

Владимир Поселягин

СОЛДАТ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Владимир Геннадьевич Поселягин
Солдат
Серия «Военная фантастика (АСТ)»
Серия «Танкист», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40739681
Танкист: Солдат: роман / Владимир Поселягин: АСТ, Ленинград;
Москва; 2019
ISBN 978-5-17-113389-4

Аннотация

Анатолию Суворову повезло оказаться в том времени, которое позже назовут «огненным летом сорок первого». Много что он успел сделать, и фашисты в полной мере прочувствовали это на своей шкуре.

Но ранение, полученное в одной из операций, заставило его поменять дальнейшие планы. Однако у немцев проблем только прибавится!

Владимир Поселягин

Танкист: Солдат

* * *

Очнулся я как-то сразу. Раз, и в полном сознании, как будто свет включили, щёлкнув тумблером. Правда, сразу разобратся, где я оказался, не смог, слишком много разных звуков навалилось: тут и рёв моторов, и заполошная стрельба стрелка, что висел в люльке явно транспортного самолёта, на борту которого я, похоже, оказался, лежащим на носилках.

Тут фюзеляж самолёта в очередной раз сотрясся, и там появились не рассчитанные создателями этой машины лишние отверстия. Стрелок тут же повис, покачиваясь в своей люльке, и на пол быстрыми каплями закапала кровь. Это было хорошо видно благодаря пролому, большому куску, вырванному в борту, с той стороны полыхал один из моторов. Видимо, на транспортник, несмотря на то что он летел ночью, навалились немецкие истребители-ночники, и сейчас происходило то, что происходило.

В проломе мелькнуло две фигуры, слегка неуклюжие благодаря парашютам, и нырнули в темноту. Быстро осмотревшись, я понял, что пора что-то делать. Слегка наклонившись на левый борт, самолёт явно падал, слегка планируя, а на борту из живых, кажется, остался я один. Осмотр показал, что рядом лежало четверо, оплывая кровью, по форме и петлицам явно бойцы НКВД. Хм, похоже, когда меня вывели из строя, мои бойцы срочно вернулись на базу. Вызвали Большую землю, был прислан этот транспортник, а возможно, даже не один, и вот при возвращении его подловили. Или с земли навели, или старым маршрутом летели, где их уже ждали. Что-то было нужно делать, но что? Меня удивило, что боли от ран не было. Я пощупал себя, повязки на груди имелись, причём накрыт я был своим френчем, не немецкой формой, а тем, что имел в петлицах майорские шпалы и эмблемы танкиста. Галифе тоже были на месте, вот сапог, жаль, не имелось, это, видимо, меня бойцы переодели, что-

бы передать принимающей стороне в лучшем виде. Другого объяснения не было. Немного удивляло отсутствие в салоне моих парней, только бойцы НКВД, но надеюсь, объяснение этому будет. Даже Бабочкина не было, что совсем огорчало.

Потрогав повязку ещё раз и уже нажимая сильнее, всё чувствовал, но боли не было. Если бы наркотой обкололи, думаю, до болей бы не дошло, да и чувствительность заметно снижена была бы, а тут всё нормально. Быстро сел, голова немного закружилась, отчего я схватился за скамейку, случайно обнаружив под ней сидор, и, машинально прихватив его, шатаясь, как-то не сразу ориентация в пространстве восстановилась с этой болтанкой, направился к пилотской кабине, на ходу надел френч и застегнул на все пуговицы. Пустая кабина – это значит, они покинули борт судна. А по кабине я опознал типичный транспортный «Дуглас». А сколько до земли и сколько времени будем падать, непонятно. Языки пламени уже врывались в салон, и только сильный поток воздуха ещё позволял дышать воздухом, а не гарью, хотя и её хватало. Действовать пришлось быстро. Закинув сидор за спину, я схватил одного из бойцов за лямки парашюта, у него вся система была на месте, а снимать времени не было, и с силой перевалил его через пролом. Меня обдало жгучим жаром пожара, даже волосы на голове затрещали, и я стал падать в ночную мглу, но почти сразу дёрнул за кольцо.

Я хоть и крепко держался за ремни, один ещё и на кисть левой руки перехлестнул, но не сорвало меня только чудом,

хотя уцепился за тело как клещ.

Порадоваться тому, что не сорвался, я не успел – ныла кисть руки, чуть не вывернул её, – как пришлось сгруппироваться и перекатом гасить скорость падения. Судя по мягкости и вязкости почвы, упали на какое-то поле, причём недавно вспаханное. Вскочив на ноги и поправив сбившийся сидор – надо же, не потерял, – мельком глянул на зарево на горизонте. Самолёт рухнул там одновременно с моим внештатным приземлением. Вздохнув, я направился к телу погибшего бойца, что мне так помог. Тут тоже причина была, у него имелся такой же сидор, как у меня, ППД, ремень с непустой кобурой, ну и по карманам, может, что найду. А то у меня пустые, я уже проверил. Погасив купол парашюта, я быстро снял ременную систему с бойца, освободив от автомата и сидора, ну и ремень с кобурой, подсумком, где в чехле находился запасной диск к автомату, фляжка и хороший нож. Хм, вроде по штату они не положены были, но у этого бойца был отличный тесак.

В общем, обыскав тело и складывая все находки, включая документы, в одно место, я вздохнул и, включив фонарик, осторожно в синем свете, чтобы издали не было видно, стянул с себя френч. Исподней рубахи, как и кальсон, не было, сразу обнажённый торс, замотанный бинтами. Причём окровавленными. Ещё раз на всякий случай потрогав то место, где должна была быть рана, с некоторым сомнением достал из ножен нож и стал срезать повязку. Пришлось отди-

рать её, приклеилась благодаря крови, но моё предположение полностью подтвердилось. Помнится, Сева говорил, что был ранен, но ранение быстро исчезло, как и шрам, похоже, у меня та же ситуация, так как шрам от пулевого ранения на груди, почти у сердца, на глазах исчезал. Вот это поворот нити судьбы. Хотя, конечно, приятная опция, жаль, не многоразовая. В следующий раз она не помогла, когда однофамильца повторно ранило, несколько месяцев в госпитале провалялся. Значит, и мне под пули в следующий раз не стоит соваться, проверено опытом, пусть и чужим.

Отбросив повязки, я надел прямо на голое тело френч и стал осматривать находки. Вообще стоило бы свалить отсюда, я понятия не имею, где оказался, это наша территория или ещё оккупированная немцами, но нужно определиться, что брать с собой, а что прикопать с телом, я решил похоронить бойца. Всё так же безымянного, несмотря на наличие документов, они пробиты пулей были и запачканы кровью, так что не прочтёшь данные владельца. Да и сам я в кровавых разводах был, получил их, пока висел на теле, когда покинул самолёт. Надо будет потом постирать. В том сидоре, что я прихватил, оказались патроны. То-то так тяжело было, в бумажных пачках патроны, как к автомату, так и к пистолету в кобуре, там ТТ был. Это хорошо, что оружие унифицировано под один патрон. Покопавшись в сидоре, обнаружил также шесть «лимонок». Отдельно запалы к ним. Ремень я уже застегнул, согнав складки назад, пистолет и автомат про-

верил, жаль, что к обоим было по запасному магазину и диску. Одному. На долгий бой боец явно не рассчитывал.

Сняв фляжку с ремня, я напился. После перенесённого стресса очень хотелось. С таким десантированием с борта расстрелянного самолёта поневоле стресс испытаете. В общем, ремень на мне, кобура на правом боку, фляжка на левом, чехол с запасным диском к автомату спереди слева, нож тут же на левом боку. Автомат я прислонил к сидору, чтобы тот в рыхлой земле не лежал, обдул его слегка и поставил. Потом стал осматривать вещи погибшего бойца, собранные по карманам. Не так и много их было. Про документы я уже говорил, только на комсомольском билете различить смог, что его звали Григорием, а так и тот был кровью испачкан. Ну, а так что я мог найти в его карманах? В галифе кисет с ядрёным самосадом, приятная опция для сбивания со следа собак, сам я не курю, в кисете свёрнутая трубочкой пачка бумаги, разной, от газет до каких-то нарядов, видимо ненужных. Фонарик, которым сейчас пользовался, тоже у него забрал, неполный коробок спичек имелся, часы на руке – редкое удовольствие, а у этого бойца были командирские. За воротником иголку нашёл с намотанными нитками. Тоже прибрал и также за отворот воротника зацепил. Немного мелочи было и пара советских банкнот. В принципе, на этом всё. Я бы от шоколадки не отказался. Голод меня начал мучить сильный, сразу навалился, как водицы испил.

Теперь сидор бойца, он был целым, в отличие от гимна-

стёрки хозяина, которую хорошо посекала пулемётная очередь с истребителя. По крайней мере, повреждений не нашёл, хотя некоторые пули прошли тело насквозь, счастливо избежав вещмешок. Кровью заметно замарало, конечно, но не более. Развязав горловину, я стал рассматривать, что там было. И сразу первый приятный подарок: второй запасной диск к автомату, тоже снаряжённый, я по весу определил. Отложив его в сторону, на верх второго сидора убрал, чтобы в пыли не валять. Потом втащил свёрток, в материю оказались завёрнуты половина хлеба и солёное сало, уже порезанное на куски. Протерев лезвие ножа о свой френч, я быстро настрогал бутерброд и, жуя, продолжил осматривать, что есть в сидоре, складывая находки на расстеленную тряпицу, в которую ранее продовольствие было завёрнуто, оно так и лежало там, ещё на три бутерброда хватит, по моим прикидкам. Я нашёл ещё две лимонки, почему-то с накрученными запалами и с разведёнными усиками. Обе лимонки я повесил на пояс за предохранительную скобу. Потом нашёл две луковицы, не очень свежие, слегка пожухлые, но одну нарезал и положил на сало, вот теперь бутерброд вкуснее стал. Дальше изучить сидор не успел. Послышался сначала далёкий гул множества моторов, потом замелькал свет фар, на которых явно была защита. Оставив всё на месте, я прихватил только бутерброд и автомат и побежал навстречу грузовикам. Судя по тому, как те нутужно были на высокой ноте, шли гружённые. Дорога оказалась неподалёку, метрах в трёхстах. Я за-

лёг рядом с ней и немного с хмурым видом рассматривал, как один за другим прошли мимо грузовики автоколонны, в которой было с два десятка машин. Ну, хоть определился. Наши территории тут были, так как в колонне находились ЗИСы, полуторки и ещё пара каракатиц, которых я вот так с ходу опознать не смог, но что это наши, скажу точно.

Колонна прошла, поэтому я решил вернуться. Так же ойкая, если вставал на что-то босыми ногами. Кстати, навстречу проехавшей колонне шла ещё одна, возможно порожняком. Добежав до тела, я продолжил инвентаризацию имущества. Внизу сидора я нашёл пару пачек патронов, около сотни для автомата, блокнот с карандашом, в блокноте половины страниц не было, видимо для писем использовали, запасные портянки нашлись, ну и две банки рыбных консервов. Открывать не стал, мне и сала хватило, доедал уже второй бутерброд. Голод вроде утолил, только снова пить захотелось. В общем, вернув всё во второй сидор, я сложил их вместе и, подхватив бойца под мышки, вместе с парашютом утащил его к дороге и положил на обочину, благо вторая колонна уже прошла. Хотя опять моторы звучать начали. Раз тут наши, то закапывать тело я передумал, решил не тратить время, вернул документы в нагрудный карман, наши похоронят, может, хоть не будет пропавшим без вести, если кровь нормально из документов уберут. Потом вернувшись за вещами, я прямо по полю направился в ту сторону, куда ушли грузовики первой автоколонны. Шли гружёные,

значит, к фронту, по-другому быть как-то не могло.

А пока шёл, занимался размышлениями. Раз ситуация повернулась так, что я снова свободен и на ногах, то зачем возвращаться, повоюем ещё. Пусть сейчас где-то начало сентября. Вон уже прохладно по ночам, шинельку бы неплохо заиметь, но пару месяцев ещё можно на передовой поработать, а дальше видно будет. Я ведь тоже понимаю ценность моих знаний, и что нужно ими делиться, однако иметь такую же золотую клетку, как получил мой однофамилец в параллельном мире, я не хотел категорически, поэтому и желал максимально оттянуть встречу с правительством Союза. До предела, пока есть возможность, в их сети я не пойду. Ранение, конечно, серьёзный фактор, и тут никуда не денешься, и если бы я так не излечился и самолёт благополучно долетел, то имелись все шансы, что я уже был бы в руках представителей Советского Союза, но если судьба сделала такой резкий поворот, то я лично только рад и мысленно аплодирую ей. Тем более в связи с тем, что самолёт был сбит, есть все шансы, что меня посчитают погибшим и не будут искать. Надеюсь, тот боец, которого я оставил на обочине, не наведёт на мысль о том, что я жив. Тем более должно быть известно о моём ранении.

Идти босиком было неудобно, я, конечно, закатал штанины, но всё равно. Да, я помню про сапоги погибшего бойца. Но извините, сорок последний размер как-то не подходил моему сороковому. Так что приходилось идти осторожно, не

используя фонарик, а только естественное освещение в виде луны. Видимо, она и вывела немцев на самолёт, хорошо за-
раза всё освещала. Пока я не знаю, что буду делать, иду на
авось, не строя планы, но выходить пока к людям не стоит.
Вид расхристанный. Без обуви и головного убора, форма в
пятнах чужой крови, документов нет. В общем, не тот вид,
который стоит показывать, однако я надеюсь что-то придум-
ать, как-то переодеться.

Где-то километра через три мне глубокий овраг попался,
перебрался через него и направился дальше по полю, где ко-
лосилась пшеница. Кстати, я понял, почему поле, куда мне
удалось десантироваться, оказалось вспахано. Там по краям
у оврага следы огня, трава сгорела, видимо и поле полыхну-
ло. Отчего, не знаю, может, сбитый самолёт упал, объятый
пламенем, но поле перепахали. После оврага я ещё километ-
ра два прошёл и наткнулся на речку. Где я нахожусь, даже
приблизительно не знаю, с одной стороны виднелся камен-
ный мост, явно дореволюционной постройки, там смена ка-
раула как раз проходила. Бдят бойцы, так что соваться не
стал, а ушёл в другую сторону за излучину, где и стал разде-
ваться, хочу форму постирать, пусть кровь уже подсохла, но
надеялся убрать следы, песком и глиной натру, может, и убе-
ру явные следы крови. Так и сделал, заодно и сам искупался,
вода была заметно прохладной. Спать не хотелось, видимо
организм уже взял своё, на горизонте просветление, рассвет
наступает, вот и решил заняться делом.

А когда почти рассвело, я уже постирал всё и развесил на ветках, вдали загрохотало. Гаубицы работают, они километрах в десяти обычно от передовой находятся, саму передовую не слышно, слишком далеко, но то, что я недалеко от фронта, теперь стало ясно. А всё же, где я нахожусь? И на дорогу не выйдешь посмотреть дорожные указатели. Устроившись в кустах, а я сделал себе лёжку, причём по-умному, чтобы со стороны не видно было, что они потревожены, да и форму особо не рассмотришь, потемнела, сливается с фоном тёмной листвы. Я размышлял, наявивая консервы с остатками хлеба. Кстати, ложку я нашёл за голенищем сапога у бойца, завёрнутой в платок. Хорошая ложка, металлическая, глубокая, такой только щи хлебать, много зачерпнуть можно. Есть хотелось постоянно, мне кажется, это организм так отреагировал на лечение, потерю крови и остальное, что было после ранения. Ресурсы внутренние таким образом восстанавливал. Так что я одну консерву доел и краюху хлеба. Осталось сало, грамм сто, луковица и вторая банка с этими рыбными консервами. Да, кстати, на удивление мне они понравились, вкусные, есть можно. Правда, чуть подсолить нужно было, но вот соли не имелось.

Однако проблемы с запасами продовольствия уже вставали в полный рост, так как зная свой организм, как он стал требовать еды, думаю, остатки продовольствия я заглочу в течение ближайших четырёх часов, и дальше всё, голод. Надо что-то думать и искать выход из положения, пока не пре-

кратятся эти странные и резкие позывы с острым желанием чего пожрать. Надеюсь, долго это не продлится. Рассвело, в воздухе уже с полчаса постоянное гудение авиационных моторов, наших я не видел, немцы полностью господствовали в небе, бомбардировщики внаглую летали без прикрытия, ничего не опасаясь. А вот грохотание со стороны фронта подозрительно усилилось. Там также вились немецкие штурмовики и бомбардировщики. Похоже на то, что немцы пытались прорвать фронт. Надо же, не повезло оказаться на острие удара. Отметив, что бомбардировщики начали что-то бомбить в стороне у дороги, я понял, кто их цель. А что там может быть, кроме очередной автоколонны? Работало три самолёта, я решил быстро собраться и сбегать к месту бомбёжки, я надеялся подобрать себе форму и припасов. Плохо, конечно, так говорить, но надежда на это была. Только я не успел, послышалось едва слышное шуршание, и я отчётливо распознал немецкий говорок, благо практики в нём у меня недавно было преизрядно. Кто-то выругался, на него шикнули, и немец шёпотом пояснил, что получил в глаз веткой, вот и не сдержался. Опаньки, а это даже лучше, чем я мог мечтать.

Двигались на меня, и им наверняка придётся проходить или у кромки у воды, тогда ладно, они меня не засекут, или поднявшись выше к склону к деревьям, где рассмотрят мои вещи, что сохли на ветвях кустарника, лагерь-то вряд ли, место больно удачное попало, вблизи не увидишь. Я осторож-

но потянулся и, отстегнув клапан кобуры, так же осторожно достал пистолет. Вводить его не нужно, оружие уже было готово к бою. Я в курсе, что многие командиры не любят его в таком виде носить, бывает при падении или резком встряхивании может произойти непроизвольный выстрел, но сомной такого пока не было, поэтому оружие было взведённым. Немцы повернули, чтобы обойти густой и явно колючий кустарник поверху. А вот я ещё больше насторожился. Рассматривая их, определил в трёх немцах, что продвигались рядом, снайперскую группу. У двух СВТ в снайперском исполнении, только прицелы не штатные, и третий явно для прикрытия, с автоматом. По виду десантники, может быть не из батальона «Бранденбург», надежда поживиться целой советской военной формой не оправдалась, в форме вермахта были. Взяв их на прицел, я все же опустил оружие, и для этого были веские причины. Засёк боковым зрением движение на другом берегу реки, слегка повернул голову и рассмотрел семерых немцев, что мелькнули в «окне» среди камышей и кустарника, но там группа явно больше была, могло быть и полтора десятка. Двух пулемётчиков также рассмотрел. Шли они к мосту. Тут даже и думать не стоит для чего, раз немцы на этом участке фронта решили двинуть вперёд.

А то, что это одна группа, было ясно и по одинаковой форме, оснащению, да даже кустикам, воткнутому в сетку на касках, да веточки под погонами – всё для маскировки. Разве что у снайперов, у одного из солдат, была свёрнутая в ру-

лон масксеть, видимо чтобы сделать укрытие, замаскировать лёжку. И вот как теперь действовать? Открою огонь, так та группа, что на другом берегу, сразу проредит мой кустарник плотным огнём, смысла им ховаться уже не будет. Убрав пистолет обратно в кобуру, я достал нож. Ну да, остался только один шанс, благо снайперская группа, обходя мой кустарник, оказалась вне зоны видимости для своих соотечественников на другом берегу. Если удастся сработать тихо, это будет просто отлично. Скользнув по низу кустарника, я выбрался наружу за спиной третьего немца, того, что с автоматом, и кулаком, утяжелённым рукояткой ножа, ударил его по затылку, точно под срез каски, тот молча стал заваливаться вперёд, а я уже метнулся к двум, что шли перед ним. Первый засёк всё-таки мой френч и, присев, начал оборачиваться, подняв руку и передавая сигнал тревоги, но встретил только брызги крови в лицо от своего напарника. Я одним ударом тяжелого ножа перерубил тому шейные позвонки и после этого ударил в горло первому. Рукоятка стала скользкой от крови, я чуть её не упустил. И даже успел подумать мельком, хорошо, что обнажённый, отмываться легче будет. После чего замер, прислушиваясь и оглядываясь. Тихо, только хрипел горлом порезанный мной, остальные улеглись молча. Ну, почти, слегка только амуницией позвенели, и всё, выстрелов из оружия при падении не произошло, а я этого больше всего опасался. Дальше нужно действовать быстро. Я так понимаю, у меня не так и много времени было. Первым

делом нужно обувь проверить – есть мой размер или нет?

Причина, почему я так резко озаботился поиском обуви, то, когда после первого, которого оглушил, метнулся ко второму, чтобы ударить ножом наискосок по шее, то наступил на сучок. Аж слёзы от боли выступили. Босиком по таким зарослям бегать никакого здоровья не хватит. Как не заорал, как тот самый Ганс, что веткой по глазу получил, не знаю, но сдержался и положил всю тройку, а потом, шипя от боли, стал быстро осматривать то, что смог добыть. То, что немцы шли с ранцами, я заметил, ещё когда изучал их из кустарника, это хорошо, но обувь сейчас для меня важнее. После осмотра, кривясь, я стал расшнуровывать ботинки у того, кому шею почти перерубил. Пусть сорок второй у него где-то, но это лучше, чем сорок пятый, как у двух других. Набрали здоровяков, приличному человеку обувь найти невозможно.

Сняв ботинки, я осмотрел подошву левой ноги, которой наступил на сучок. Разрыв есть, даже кровоточит слегка, но травма больше болезненная, чем серьёзная. Немцы на другом берегу уже ушли, когда я спустился к воде. Окунулся, смывая кровь, ну и отмыл ноги, а потом намотал портянки. Те самые запасные из сидора бойца НКВД. После чего вернулся и занялся трофеями уже нормально. Кстати, с портянками эти ботинки, как только я туго завязал шнуровку, стали почти по размеру. Наверное, странно выгляжу – обнажённый, но в обуви. Сначала я связал того, что был без сознания, сунув в рот кляп, носки того, у которого я обувь поза-

имствовал, «сырники» неплохие, хватило на кляп. Освободив их от амуниции, ранцев и оружия, оставил только форму. Документы тоже забрал. Я стал приводить в сознание того, что мне был нужен для прояснения ситуации. Для того я пленного и брал, нужно узнать, где я, что происходит и какова численность этой диверсионной группы.

Привести в чувство его удалось быстро, ну и дальше допрос. Запирался тот не долго, поплыл после третьего сло-манного пальца, работал я жёстко, жалеть не было времени, чую, у меня его не так много. За пять минут я выяснил всё, что мне было нужно, и вбил клинок в грудь пленному, он мне больше был не нужен, возись ещё с ним. Вот что мне удалось узнать. Находился я у Киева, позади УРы линии Сталина, впереди посёлок Калиновка, подступы к которому обороняли наши войска, там проходила линия фронта. Рядом доро-га на Житомир, мост, что находился на ней, и нужно было захватить диверсантам. И да, немцы действительно начали наступление и планировали быть у этого моста уже через че-тыре часа, а захватить его целым должны эти самые дивер-санты, коих было четыре десятка. С двух транспортников их высадили. А два дня назад был праздник, день знаний, сего-дня третье сентября. И это ещё не всё, их высадили прошлой ночью, транспортники маскировались и летели с ночными бомбардировщиками, так что вряд ли советское командова-ние о них знало. Днём несколько русскоговорящих из груп-пы переоделись в советскую форму и изображали пост. От-

дача не такая и большая, они на второстепенной дороге стояли, но захватить одиночных два грузовика, легковую машину и, самое интересное, танк смогли. Пять немцев осваивали боевую машину, судя по описанию, это был Т-28. Хм, не думал, что они остались, по сообщению пленного немца, а он узнал от пленного танкиста, гнали его из рембата, боекомплект полный, и танк должен был поучаствовать в захвате моста, пока же находился неподалёку, и я теперь знал, где он стоит. И вот у меня стояла дилемма, что делать дальше?

Причина для сомнений была веской. Если вооружиться снайперской винтовкой и начать отстрел диверсантов, помогая охране моста отбить нападение, то подошедший танк просто смешает и их и меня с землёй. Если немедленно бежать к месту, где стоит танк, при возможности незаметно подобраться и уничтожить экипаж с охраной, то за это время диверсанты могут посечь охрану. Тут, правда, есть небольшая оговорка. К мосту направится ЗИС с десятком диверсантов в советской форме и танк, и когда те подойдут к мосту, последует одновременная атака, и с колёс, и из кустов. План такой был, согласно прошедшему допросу пленного. Поэтому пока я занимаюсь танком, атаки не будет, будут ждать его подхода. Значит, нужно заниматься именно им, тем более воевать в бронированной машине мне как-то привычнее, чем бегать с автоматом и воевать как простой боец.

Поэтому я медлить не стал, снова окунулся, отмываясь, натянул на себя ещё влажную форму, снова надел ботинки,

зашнуровав высокие голенища, перепоясался и, подхватив ППД с обоими сидорами, напрямки побежал к тому месту, где должен стоять танк, до него меньше километра было, и всё лесом. А всю добычу с немцев я убрал в кустарник, а их тела сбросил в воду, и те, то скрываясь под водой, то всплывая, стали по течению уплывать прочь, правда течение было в сторону моста, но на то и была надежда, что их обнаружат и охрана ещё больше насторожится. Да, с пленного я, прежде чем его связать, снял всю форму и убрал тюк туда же в кустарник, мало ли пригодится. Размер, правда, не мой, но пусть будет. Да и обувь с оставшихся снял, тоже пригодиться может. Как платёжное средство или на размен. Насколько я в курсе, особо деньги в Красной Армии не ценились, а ценилось умение достать то, что нужно, так что подобный запасец мог пригодиться.

Мимо стоянки я чуть не промахнулся, хорошо, что немец в форме сержанта Красной Армии, что стоял на часах, вышел из-за дерева, осматриваясь, видимо услышал, как хрустнула ветка у меня под ногой. Я заметил боковым зрением движение и рухнул там, где бежал. Но мягко рухнул, бесшумно. Меня пограницы многому научили, и, хотя я старался бежать тихо, но всё же какой-то шум имелся, а ветка эта как специально под ноги попала. Да ещё ботинки, размер не мой, тоже сказывалось, бежать неудобно было. Часовой постоял, но тут его окликнули, и, бросив ещё один пристальный взгляд в ту сторону, где я находился, он направился

к опушке, где, видимо, и стояла техника. Так и оказалось, перекатами приблизившись к опушке, я обнаружил тёмные массы техники, крытого грузовика и танка. Это действительно был Т-28, причём с типичной полковой пушкой КТ-28, а не пушкой Л-10. То есть танк старой постройки, те, что новее, были вооружены Л-10. Не сказать, что это хорошо, КТ-28 – это всё же полковушка, хотя и переделанная, по сути трёхдюймовка. Насколько я помню, пушка КТ-28 предназначалась для борьбы с огневыми точками противника и небронированными целями и вполне удовлетворяла возлагаемым на неё задачам. Мощность же её бронебойного снаряда в силу невысокой начальной скорости была весьма низкой. Надо сказать, что откровенная слабость пушки КТ-28 в борьбе с бронированными целями служила источником множества нареканий со стороны военных. Собственно, самими конструкторами танка пушка КТ-28 в качестве основного вооружения рассматривалась как временная мера – впоследствии танки планировалось вооружать 76,2-мм универсальной танковой пушкой, однако по ряду причин её так и не удалось доработать до приемлемого уровня и запустить в производство. Вот и начали с тридцать девятого, вплоть до сороковых, вооружать эти танки Л-10. Так что тут я наблюдал настоящего старичка. Хотя на вид тот вроде был вполне бодр. А грузовик был как грузовик, вполне обычный.

Оставив сидоры позади, я передвигался по-пластунски, держа наготове автомат, подобрался ближе и с радостной

злостью обнаружил, что немцы выстроились в шеренгу и один из диверсантов, одетый в форму старшего лейтенанта РККА, ставил задачу по-немецки. В шеренге стояло двенадцать солдат, плюс ещё пятеро в шлемофонах танкистов, только у одного не было комбинезона, у четверых других они имелись. Сняв с пояса обе «лимонки», я выдернул чеки, отпустив предохранительные скобы, и, под тихое шипение запалов отсчитав две секунды, метнул обе гранаты в конец шеренги и почти сразу открыл огонь, благо подобрался я со спины шеренги и в мою сторону мог смотреть только «лейтенант». Укрылся я за стволом дерева, в большом объёме ствол был такой, что тот если и засёк, то только взмах броска, но сделать ничего не успел. Взрывы грохнули одновременно с открытием мной огня по другому краю шеренги, свалив длинной очередью в половину диска семерых, причём ещё двоих я точно зацепил серьёзно, хоть они и начали отползать. Разрывы гранат, что упали фактически под ноги немцам с другой стороны шеренги, выбили из неё ещё пятерых. А дальше я отстреливал их, немцы для меня были открыты, хотя двое и прыснули перекатами за корпус танка, в мёртвую зону, остальных, закончив диск, я добил. Что плохо, один из выживших диверсантов был в комбезе и шлемофоне танкиста.

Я лёг на бок, укрываясь за стволом дерева, в которое впились пули, двое открыли активный огонь – «танкист» из пистолета и второй из СВТ. Похоже, они не пытались за-

браться в танк, да и я это не дам сделать, тот стоял так удобно, что все люки под прицелом, и пусть они открыты, скользнуть внутрь секундное дело, но всё равно немцы рисковать явно не стали, видимо сообразив, что действует против них не группа советских бойцов, а один стрелок. Тут они отстрелялись и, похоже, начали перезаряжаться, когда я как раз сам перезарядился, машинально убрав пустой диск в чехол на поясе. Дальше я броском ушёл в сторону, сделал несколько перекатов и укрылся за соседним деревом. Это не осталось незамеченным, и в мою сторону полетела граната. Упала рядом. Схватив её, я отбросил в сторону ребристое яйцо, и почти сразу последовал взрыв. Слегка оглушило, но не так и сильно, как могло бы. Я сразу открыл огонь. Причём заметив между катков ногу «танкиста», двумя патронами срезал её, и когда тот упал, показалась голова, добил в неё. Диверсант остался один, и подловить мне его удалось так же, срезав ноги между катками, ну и добил.

Дальше скользя стороной, чтобы обойти место стоянки по кругу, с короткими очередями в два-три патрона я прошёлся по всем, кто лежал. Раненые там были, стоны слышались, а так никакой подранок меня не подловит, стрелял наверняка, тщательно целясь. После этого сбегал за сидорами на всякий случай, проверил танк, у меня было подозрение, что там мог укрыться ещё один немец, всё же эта машина имеет экипаж в шесть человек, а немцев в шлемофонах было пять, но нет, тот был пуст. Так что, убрав в боевой отсек сидоры, я вы-

брался из танка и проверил тела. Подранков не было, отработал я автоматом хорошо, так что занялся делом. Сначала собрал все шлемофоны, даже тот, что замаран кровью был, почистил его и убрал в танк, жаль, комбинезоны все побиты пулями и измараны кровью, но в боевом отсеке нашёл свёрнутый тюк запасного комбинезона, маломерка. Мне вполне подходит, а немцы все здоровяки, видимо те комбезы, что на них были, они с танкистов сняли. Кстати, и их, и тех, у кого машины отбили, немцы ликвидировали. Пленные им были ни к чему.

Натянув комбез поверх формы, тот в самый раз был, снова надел ботинки, с ними я бы с комбезом не справился, ну и шлемофон на голову нахлобучил, потом застегнул ремень с кобурой и остальными подсумками, после чего направился к убитым немцам. Грузовик заметно пострадал от разрывов гранат, всё же осколки и до него дошли, но, к счастью, двигатель и колёса были целы. А пробитое ветровое стекло и борта да дверь со стороны пассажира – это не так и страшно. На ходу машина была, вот что важно. Я стал снимать ремни с подсумками, собирать оружие и сносил всё это в кузов, пригодиться может в будущем. Тем более имелось два ДП, девять «светок» и два ППД. Пистолеты не считаю, хотя их было шесть. Потом завёл машину и отогнал в глубь рощи, где и укрыл, после этого, вернувшись к танку, задумчиво посмотрел на убитого лейтенанта и хмыкнул своим мыслям. Тот имел по три кубаря в петлицах, по сути старший лейте-

нант, а у меня майорские шпалы, я ранее и так имел немало проблем из-за того, что возраст не соответствовал званию, так что станем старшим лейтенантом, тем более я им и был, пусть и инспектором, пока сюда не попал.

Подойдя к диверсанту, я ножом срезал у него петлицы и, вернувшись к танку, забрался на корму, расстегнул свой ремень, снял комбез до пояса и стянул рубаху. Та через голову снималась, хоть и френч, а пуговицы до середины груди. Думать я особо не стал, убрал шпалы и на их место прикрутил кубари, ну и ещё для пары остриём ножа проковырял отверстия. Ну, вот и всё, теперь я старший лейтенант. Френч мне мой по размеру, менять не нужно, тем более гимнастёрка «лейтенанта» была залита кровью. К тому же френч уже высох на теле, хотя, честно сказать, озаботиться нательным бельём давно пора. Вон в кузове грузовика немецкие ранцы, оружие, обувь и сидоры. Видимо, в последних держали советскую форму, а сейчас там была немецкая. Там бы по-хорошему покопаться, много что интересного найду, но я торопился. Документы, собранные у немцев, были явно фальшивыми, хотя в планшетке офицера были разные документы, видимо взятые у убитых. Планшетку, как и бинокль, я у него позаимствовал, там и карта была, хотя и немецкая. А так документы у него на пехотного лейтенанта были, мне не подходили, а документов танкистов не было, не старшего же сержанта брать, видимо командира того танка, который я отбил.

Забравшись в танк, я осмотрелся и стал проверять оружие. Проверил все четыре пулемёта, зарядил орудие осколочно-фугасным снарядом, а потом и оба диска к своему автомату снарядил. По времени я уже заметно опаздывал, колонна из танка и грузовика должна подойти к мосту через десять минут, а мне до него катить минут пятнадцать, так что, скользнув на место механика-водителя, я попытался запустить двигатель. К слову, он тут стоял авиационный, пожароопасный. Однако аккумулятор оказалсядохлым, пришлось использовать баллон с воздухом, и я благополучно запустил двигатель. Он ещё тёплый был, так что немного погазовал, включив встроенный компрессор – редкость, но у этого танка он был, – чтобы подкачать воздух в баллон, аккумулятор и так при движении зарядиться должен от генератора, и, включив сразу третью передачу, вырулил на полевую тропинку на опушке, дорогой её не поворачивался язык назвать, и на пятнадцати километрах в час покатиловдоль роши к дороге, на ходу переключившись на четвёртую скорость, что дало прибавки ещё на пять километров.

Объехав «язык» роши, который загораживал мне дорогу, я обнаружил там не только разбомбленную колонну, некоторые машины ещё дымились, но также полуторку, у которой стояли несколько бойцов в зелёных фуражках. Кроме них там были красноармейцы, разбирали обломки. Хоронили убитых. Я с два десятка насчитал примерно. А вот что пограницы тут делают, явно передвижной патруль, понять бы-

ло несложно. Видимо, те, кто у уничтоженной колонны работал, слышали далёкие выстрелы и разрывы гранат, когда я диверсантов уничтожал, и вот сообщили. А когда пограницы подкатили, уже всё стихло, и они прислушивались. А тут, когда появился танк, насторожились, некоторые попрятались. Но рассмотрев знакомый силуэт, стали меня разглядывать. Правда, укрытий не покидали, видимо учёные. Я же только прибавил скорости, переключившись на пятую передачу, хотя по такой мягкой почве танк шёл с натягом, двигатель только и ревел.

Подкатив к дороге, я выехал на неё, поворачивая, для чего мне снова на третью скорость пришлось переходить. Шлёпая гусеницами, объехал воронку и встал у полуторки. Старшим там оказался старшина, который, отряхивая галифе, уже подходил к передку танка. Откинув люк механика, я спокойно, голос можно было не повышать, двигатель стих, заглушённый мной, приказал:

– Старшина, ко мне!

Тот уже рассмотрел через открытый ворот комбинезона по три кубаря, что сверкали рубиновым цветом на чёрном фоне петлиц френча. Поэтому, поправив форму, подбежал и, козырнув, сообщил:

– Старшина Паскалюк, командир патруля отдельного Киевского заградительного отряда.

– Отлично, старшина. Значит, слушай вводную информацию. Группа немецких диверсантов позапрошлой ночью бы-

ла сброшена с заданием во время наступления их войск с прорывом фронта захватить мост, что тут в двух километрах находится, за той возвышенностью. Двадцать пять диверсантов скрытно приблизились к мосту, остальные на захваченном танке, на этом самом, и грузовике должны были, изображая отряд Красной Армии, приблизиться к мосту и одновременно атаковать. Впоследствии танк должен был быть включён в оборону моста, до подхода сил вермахта. К несчастью для немцев, произошла случайная встреча со мной, и произошла перестрелка, всех диверсантов у машины и танка я уничтожил, благо автомат имелся в наличии, а те выстроились в шеренгу, слушая командира, да и гранаты помогли. Повезло.

– Это бойцы похоронной команды слышали, товарищ старший лейтенант, – кивнул старшина.

– Возможно. Так вот, допросив пленного, немецкий я знаю, узнал о планах немцев и решил выдвинуться к мосту и поддержать наших. Только я один, увидел вас и обрадовался. Мне экипаж нужен, старшина. Причём нужно поторопиться. По времени я уже опаздываю, как рассчитал командир группы диверсантов, колонна из танка и грузовика уже через две минуты должна подъехать к мосту. Не успеваем.

– Это всё хорошо, товарищ старший лейтенант, только можно ваши документы посмотреть?

– А нету, старшина. Слышал, тут транспортник грохнулся, что из немецкого тыла летел? Вот я на нём был, пришлось

прыгать с одним из бойцов НКВД, что на нём также летели. Боец умер от кровопотери, я его к обочине дороги отнёс. Надеюсь, что кто из местных деревенских увидит и похоронит. Я же думал, что в тылу у немцев нахожусь, это уж потом разобрался, что происходит.

– А мы этого бойца уже нашли, тело отправили в тыл.

– Старшина, времени совсем нет. Нужны люди. Поможешь?

Тот несколько секунд пристально меня изучал и махнул рукой, сказав:

– Хорошо, но я сам с вами отправлюсь. Только, товарищ старший лейтенант, не поймите меня неправильно, но оружие нужно сдать.

– Да мне по хрену. Быстрее, старшина. Механика бы найти, двух пулемётчиков и заряжающего, за наводчика я сам сяду, всё же стрелок из танковых орудий я отличный, первые места брал. Правда, сам командир танковой роты, на «тридцатьчетвёрках» воевал, но и эта машина мне известна. Ну, а ты, старшина, на место командира, будешь выискивать цели и сообщать мне, и помогать с зарядкой.

– С водителем проблем нет, у нас водитель бывший танкист, его посадим, остальных тоже сейчас подберём.

– Только быстро. Да, пошли машину к месту, где я танк захватил, я там грузовик загнал в рошу, в нём автоматы, пара пулемётов, винтовки СВТ, хорошие трофеи, всё наше, отбитое мной у немцев. Там ещё мешки их и ранцы в кузове.

Но я не смотрел, не успел. И вот, в планшетке у офицера нашёл пачку документов тех, кого они уничтожили, захватывая технику, когда патруль изображали.

– Сделаем, – кивнул тот, принимая пачку документов и ремень мой с кобурой пистолета и запасным диском к автомату, последний тоже забрали.

Дальше пограницы забежали, их с десятков было; пятеро, получив от меня шлемофоны, стали устраиваться на местах. Зиновий, как звали мехвода, знал эту машину, хотя ранее он служил на БТ-5, горел под Луцком, а после госпиталя оказался в заградотряде как водитель. В общем, проверив связь, рации в машине хоть и не было, но ПУ действовало, правда шлемофонов было пять, один из пулемётчиков его лишился, но ничего, запустив двигатель, мы покатали к мосту. Полуторка к этому времени уже пылила к роще, я описал, где место боя было, а машину по следам найдут, место водителя в грузовике занял один из погранцов, что остался не у дел. А мы, поднявшись на возвышенность, набрали скорость и покатали к мосту. Там при нашем приближении начался бой. Видимо, командир до последнего ждал и, увидев танк, почему-то без грузовика, плюнув на все вышедшие сроки, приказал атаковать охрану моста, так что мы подоспели вовремя, подавить все огневые точки немцы ещё не успели.

– Внимание, – сказал я в переговорное устройство. – Перед выстрелом я буду говорить «Выстрел», открывайте рот, чтобы не оглушило. Всем ясно? Тогда готовитесь. Механик,

короткая...

Танк замер на дороге, а я, поймав в прицел бьющий из ку-
стов немецкий МГ, что не давал нашим поднять голову, что-
бы остальные диверсанты могли подобраться на расстояние
броска гранаты, выстрелил. Не забыв перед этим предупре-
дить. Мехвод сразу тронул вперёд, без приказа, знал, что де-
лать, это хорошо. Оба пулемётчика в своих башнях уверен-
но били по тем целям, которые могли наблюдать. Старшина,
который прореживал немцев из своего пулемёта, прекратил
огонь, немцы, получившие такой удар под дых, попрятались,
поэтому стал помогать заряжающему, в этот раз использова-
ли шрапнель, нужно по кустарнику ударить, где виднелось
движение. Да, наше появление, а особенно то, что били не по
охране моста, а по нападающим, ввергло немцев в некоторый
ступор, чем мы и воспользовались, приблизившись к мосту
на пятьдесят метров, встали и начали обстреливать немцев.
Орудие ухало с периодичностью три выстрела в минуту, с
теми заряжающими, что у меня были, и это очень быстро.
Правда, с получением опыта скорость перезарядки заметно
возросла. Я подсказывал, что и как делать.

Стоит отметить, что я успел сделать всего пять выстрелов,
три шрапнелью, отчего кустарник лишился листвы и стал
просматриваться насквозь, и два фугасами. Те немцы, что
выжили, стали отступать, да и осталось их там пара-тройка,
всё же три пулемёта у танка, что смотрели вперёд, два у охра-
ны моста, это серьёзно. А вообще мост охранял стрелковый

взвод, как я понял, а не бойцы НКВД, как это было в начале войны. Охрана моста достаточно быстро пришла в себя и под нашим прикрытием стала осматривать ближайшие подступы, а ещё семеро бойцов и сержант с ручным пулемётом в руках занялись преследованием выживших немцев. Танк продолжал работать на холостых, баки почти полные, я велел Зиновию не глушить пока двигатель, хотя с тем что-то было не так, температура слишком быстро росла, смотреть надо, но и лишаться подвижности глупо. Старшина, открыв верхний люк, поглядывал за воздухом, это я велел, чтобы нас внезапно не обстреляли какие залётные истребители или штурмовики.

– Товарищ старший лейтенант, двигатель греется, – сообщил мехвод.

– Фигово, смотреть надо, что с ним. Подожди минутку, – поднявшись, я осмотрелся и сказал мехводу: – В ста метрах пара берёз растёт, загони машину между ними, чтобы с воздуха было не видно.

Ревя мотором танк прокатился по полю и замер под берёзами, где двигатель замолк, и наступила наконец тишина, а я сказал через переговорное устройство:

– Старшина, с воздуха следы танка хорошо видны, замаскировать бы. Похоже, нам тут долго стоять придётся. Да и место уж больно удобное, и мост, и дорога к нему как на ладони.

Вроде бойцы из охраны моста уже ближайшие окрестно-

сти осмотрели, где-то вблизи возникла перестрелка, видимо догнали диверсантов, поэтому я дал добро покинуть танк, только пулемётчики в своих башнях сидели. Старшина направился к мосту, там командовал лейтенант, у которого на голове и на левой руке белели свежие бинты, зацепило его в бою. С холма катила полуторка патруля и тот ЗИС, что я отбил вместе с танком. Времени всего полчаса прошло с момента первого выстрела, а они уже здесь. Быстро, однако. Заряжающий устроился на месте командира, там пулемёт, можно использовать, а мы с Зиновием, выбравшись наружу, открыли нужные лючки и стали осматривать машину, выискивая причину, почему двигатель так греется.

Старшина возвращаться не торопился, он и с лейтенантом пообщался, там уже и перерезанную связь восстановили, сообщили о нападении, и несколько погранцов патруля маскировали следы гусениц, все работали, все при деле. А через мост сплошняком шли колонны, туда гружёные, обратно в основном с ранеными.

– Похоже, фронт наши не удержали? – пробормотал я, откладывая ключи и прислушиваясь.

– Да, грохотать стало громче, – подтвердил мехвод, тоже прислушиваясь.

Инструментов в танке было мало, поэтому использовали то, что нашли в обоих грузовиках, их сюда же под деревья загнали. А грохотало действительно всё ближе и ближе, и машин с ранеными стало куда больше, много телег с ними

же катило по дороге. Стервятники тут же попытались атаковать вблизи моста одну из таких автоколонн, но, к счастью, зенитка у моста, обычный ДШК, уцелела и не дала прицельно проштурмовать колонны. Пару машин, конечно, задела, но не более.

Прошло ещё с полчаса, кстати, меня покормили, два куска хлеба выдали и целую банку тушёнки, пограницы аж удивились, как я это всё в одно рыло съел, а я притупил тот голод, что терзал меня изнутри, и, честно сказать, ещё бы поел. Так вот прошло полчаса, когда со стороны тыла прикатила «эмка», что встала у моста. Я особо внимания не обратил, продолжал ремонт двигателя, кажется, причину мы нашли, забит один из шлангов системы охлаждения, тот, что от радиатора шёл, я проверил, не продувался. Мы уже слили воду из радиатора и как раз снимали этот шланг, когда та самая «эмка» подкатила к нам, и оттуда выскочило несколько командиров. Все политработники, судя по знакам различия на рукавах. Их можно спутать с сотрудниками особых отделов, что тоже носили форму политсоставов для маскировки, но тут сразу видно, лекари человеческих душ пожаловали. И вот старший из них, судя по трём шпалам в каждой петлице – старший батальонный комиссар, подполковник по-нашему, двое других обычные политруки, как начал орать и визжать на нас. Нет чтобы подойти, спокойно осведомиться, так на нас начинают орать, брызгая слюнями. Называть трусами, дезертирами, что мы в тылу прячемся, когда на фронте

танков не хватает, и обвинять в других грехах, да ещё размахивать наганом. Если остальные вытянулись, поедая начальство глазами – а что им ещё оставалось делать? – то я не стал слушать крикливого комиссара, а пробил ему двоечку в корпус и челюсть, отобрал револьвер, после чего направил тот на двух политруков, что также схватились за кобуры. А комиссар лежал на земле в наших ногах и, судя по безмятежной улыбке, видел третьи сны, только краснота наливалась на подбородке.

Прибежавшие старшина и командир охраны моста быстро разобрались, что случилось. Оружие у меня сразу отобрали, и старшина тихо, но зло спросил у меня:

– Ты что творишь?

– Давно мечтал это сделать, – с улыбкой ответил я ему. – Терпеть таких уродов не могу.

– Ты понимаешь, что это трибунал и расстрел? У него же челюсть сломана.

– Понимаю. Только вряд ли меня расстреляют. Я волшебное слово знаю, скажу его, и генералам по мордасам бить смогу, и хрена мне что будет.

– Ну-ну, шутник.

Дальше старшина действовал согласно принятым военным законам. Меня арестовали, обыскали, забрав всё, что нашли в карманах, планшетку забрали и бинокль, шлемофон я оставил, оставшись в комбинезоне, после чего меня загрузили в кузов полуторки, связав перед этим за спиной руки, и

мы попылили в тыл. Перед нами катила «эмка», куда погрузили комиссара, который всё ещё не пришёл в себя. Охранял меня один из бойцов, старшина с остальными из-за сложной ситуации остался у моста, у них ЗИС ещё был. М-да, неожиданный поворот, но я не жалею. Забавно, но как меня зовут, у меня спросили, только когда старшина оформлял акт о задержании, который передавал конвоиру. Назвался настоящим именем и званием. Мне скрывать нечего, лично я горжусь сделанным.

Шутки шутками, но ситуация в действительности серьёзная. Я вообще сомневаюсь, что меня будут слушать. Да, кодовое слово у меня есть, то, которое я могу сообщить, получил его от представителей Сталина, а в том, что обо мне точно извещено, я был полностью в этом уверен. Да, циркуляры в особые отделы разных частей с описанием меня разослали, где также значилось это кодовое слово, но не факт, что мне дадут пообщаться с представителями особого отдела. Тут совсем другое дело, скорее уголовное, и решать его будут военюрист и тройка трибунала. А они слушать не будут, вряд ли и слово дадут, поднял руку на старшего по званию, да ещё на политработника, а они по факту своего существования неприкосновенны, и кары за это ждать следует незамедлительно. Так что расстрел тут более чем вероятен. Ну, если только в штрафбат не отправят, насколько я в курсе, их, согласно тем бумагам, что были мной отправлены в Ставку Главнокомандующего, тоже начали формировать.

Только вряд ли пошлют, ударил комиссара я при множестве свидетелей, точно шлёпнут. Причём побыстрее, чтобы остановить не могли.

Я это не мог не понимать, а тогда как будто кто-то подтолкнул, и вот мой кулак летит в челюсть комиссару. Ситуация действительно серьёзная, но, как я уже говорил, не жалею. Таких гнид давить нужно сразу, этот вон до старшего батальонного комиссара вырос и растит ещё двух таких же последователей. Может, получив такой урок, всё же попроще вести себя будут? Хотя вряд ли, безнаказанность меняет людей, и эти уже были на пути такого изменения. Именно такие упыри поднимали батальоны и полки в атаку на пулемёты окопавшегося противника, находясь в тылу и наблюдая за гибелью подразделений в укрытии. Есть, конечно, и среди политработников белые вороны, что несут все тяготы простой службы, ходят в атаки с бойцами, но эта тройка не из подобных, точно говорю.

Мои размышления прервал рёв мотора, я только и успел привстать и, оттолкнувшись, вылететь из кузова. С некоторым трудом сгруппировавшись, перекатом катился по обочине, когда хлопнуло разрывами несколько мелких бомб, сброшенных с «мессера». Отмечу, что паренёк-конвоир, вооружённый карабином, собирался последовать за мной, к тому же полуторка тормозила, но не успел, бомба рванула у задних колёс грузовика, и тот пошёл кувырком, подмяв под себя погранца. Без шансов, погиб, а вот в кабине виднелось

какое-то шевеление. В это время истребитель, заложив пологую петлю, снова стал падать на небольшую автоколонну, в хвост которой мы пристроились с политруками. Кстати, «эмки» не было видно, только пыль в поле. Дав по газам, её водитель уходил прочь. В принципе, правильное решение. Ещё сидя в кузове, я, стараясь не шевелить плечами, пытался ослабить верёвки, да не получалось. Точнее, не успел закончить, а тут, когда перекатом шёл, вдруг обнаружил, что гашу скорость обеими руками. Как выдернул левую руку из петли, непонятно, но они стали свободными. Стряхнув с кисти правой верёвку, я машинально сунул ту в карман комбинезона, мало ли пригодится, и отбежал в сторону, где упал, закрыв голову руками. Истребитель пронёсся мимо, обдав жаром и ветром. Треск его пулемётов, пушку тот вроде не использовал, стих вместе с рёвом мотора, на третий заход пилот не пошёл, явно возвращаясь на аэродром. Ну а я, встав и отряхиваясь, направился обратно к своей полуторке, которая ярко полыхала, а из кабины истошно кричал водитель. Рванув на помощь, я только отшатнулся от пламени, что пыхнуло мне в лицо, да и какой-то красноармеец, подбежав, оттащил в сторону, крича, что сейчас патроны будут рваться. Видимо, опытный, знает, что говорит. Да и водитель смолк, уже не кричал.

Тот оказался прав, вскоре начали рваться патроны. Мы лежали чуть в стороне, пули изредка посвистывали над нами, но именно что изредка. Сам боец оказался водителем ЗИСа,

что лежал чуть дальше на боку. Его взрывной волной повалило, тот к тому же одной стороной в яму как раз съехал, и так наклонён был, и тут несильный воздушный удар помог грузовику лечь на бок. Пока выбирался из кабины, истребитель улетел, а боец, подскочив, оттащил меня от полуторки. Особо я не опасался опознания, в колонне из десятка грузовиков меня никто не знал, могли опознать бойцы из полуторки, но они погибли, а тех политработников на «эмке» уже и след простыл. Люди возвращались к колонне. Часть грузовиков свернули в поле, часть пытались уйти на скорости, но три машины остались тут. Это наша почти сгоревшая полуторка, там ещё рвались патроны, но всё реже и реже, лежавший на боку ЗИС и полыхающий бензовоз. Он пустой был, пары взорвались, бочку разворотило. В общем, собралось с десяток человек, ещё присоединились от подъехавшей колонны, и мы поставили ЗИС на колёса. Раненых и убитых из его кузова уже достали и теперь укладывали обратно, машина на ходу была. А пока царила суета, я отошёл в сторону и, развернувшись, стал уходить в поле.

Не скажу, что произошло то, что я спланировал, сбежать я хотел бескровно, освободить руки, отвлечь конвоира, хотя тут и сложно было, слишком серьёзен тот был и ответственный, покинуть на ходу машину и сбежать, желательно, когда будем проезжать какой лес, чтобы шанс свалить был, а тут вон оно как вышло. Я бы сказал, хотел как лучше, а получилось как всегда, но парней всё же жаль было. Сейчас мне

тут в прифронтовой полосе откровенно неуютно, поэтому я решил вот как сделать. Доберусь до реки и своего схрона, всё же там запасы неплохие с трёх немцев, той снайперской группы, ну и дальше, дождавшись, когда эту территорию займут немцы, уже начну работать с ними. Оно мне так привычнее. Видеть их гибель мне легче, чем гибель своих ребят, даже тех, что везли меня на расстрел. Ещё я поторапливался, топать до схрона километров восемь, увезли меня на машине далеко, мы даже проехали место падения транспортного самолёта, я рассмотрел это место, он почти на дорогу рухнул, там работало несколько человек, стояло оцепление и было несколько машин с одиночной зениткой, а есть хотелось уже сейчас. Да ещё световой день, примерно часов десять, и идти сейчас – это привлекать к себе излишнее внимание, чего не очень бы хотелось. Поэтому я и ушёл с дороги, там бы я и километра не прошёл.

Что плохо, вокруг были сплошные поля со своими подъёмами и спусками, а роща, похоже, тут одна, та, что у реки, где я танк отбил. Время от времени встречались молодые посадки у дороги, но это для меня не выход. Оттого я и ушёл в поле, а тут нашёл накатанную телегами тропинку и уходил всё дальше и дальше. Чуть в стороне заметил работающих колхозников, те пшеницу убирали, похоже, она поспела – склонили тяжелые колоски, настала пора убирать. Хм, а может, то поле и убрали, где я десантировался, раз даже и вспахать успели? Поди знай, что я – агроном? Такие до-

роги что кровеносные сосуды пронизывали местные поля, по ним колхозники добирались до нужного поля, привозили или увозили урожай, вот и мне встретился старичок на телеге с парой белобрых мальцов, что двигались в нужную мне сторону.

– Куды путь держишь? – поинтересовался старик, не трогая вожжи, лошадь сама остановилась рядом, без приказа.

– На фронт, диду, на фронт.

– Что ж не по дороге, она там рядом?

– Из госпиталя я сбежал, диду, а без документов меня первый же патруль остановит. Из госпиталя я со знакомым водителем уезжал, думал, довезёт до части. Да налёт. Не повезло, пришлось пешком идти.

– Сидай, подвезу.

Старик действительно подвёз, расспрашивая о фронтовой жизни, я, как мог, рассказывал, что от других слышал, так как фронтового опыта в действительности не имел, у меня совсем другая война была. Прокатился я со стариком и мальцами километра четыре, высадил тот меня примерно в том месте, где я десантировался с самолёта, только дед вправо уходил к полевому стану, где у него невестка работала, он ей харчей вёз, малыцы его внуки были, ну а я прямо направился. А фронт действительно приближался, теперь не только пушки стало слышно, но и оружейно-пулемётную стрельбу, хотя и отголосками пока, можно сказать на грани слышимости, и я могу ошибиться, но похоже, бой у моста шёл, по расстоя-

нию как раз сходится, так что я побежал, надеясь успеть. Не успел, мост наши не удержали, но взорвать перед танковым отрядом немцев успели, и старый каменный дореволюционный мост в поднятой взрывами пыли рухнул в воду. А берега там высокие, глубина порядочная, так что намаются наплавной мост делать, берега срывать потребуется.

Посмотрев на всё это со стороны, а я устроился в километре от моста, тут берёза удобно стояла с густой кроной, вот на высоте четырёх метров и сидел на ветке, с интересом наблюдая, что происходило у реки. Так вот, посмотрев на всё это со стороны, я отметил одну деталь. Наши с этого берега почему-то укреплять свои позиции не стали и небольшими группами, примерно по взводу, уходили в тыл, видимо получив такой приказ. Не совсем понятно, но общей оперативной информацией я не владею, вполне возможно, что тут держать оборону посчитали бесперспективным решением. Хотя, конечно, странно, река всё же, естественный рубеж обороны, очень удобный. Чуть позже прилетели с десятков немецких штурмовиков и, разбившись на тройки, стали гонять такие группы по открытым полям и дорогам, видимо за взорванный мост мстили. Отходить ночью нужно, как-то бездарно это отступление провели, с многочисленными жертвами, как я вижу. Кстати, по поводу танка, в бою за мост тот активно отвечал и с десятков разбитых и горевших грузовиков тому подтверждение, по бронированным целям наводчик если и стрелял, то мало, я старшине говорил, что за снаряды в тан-

ке, всего шесть разбитых танков у немцев было. Тут и противотанкисты могли поработать, их как раз на отходе бомбами накрыли. Сейчас танк ярко полыхал. Я как-то и не понял, это его наши подожгли или немцы? Похоже, всё же наши, группа старшины, сняв пулемёты, отходила севернее меня метрах в четырёхстах. ЗИСа не было видно, видимо ранее в тыл отправили. Странно, почему боевую машину бросили и подожгли, мехвод там вроде знающий, убрать проблему мог и без меня. В общем, одни вопросы и никаких ответов.

Я просидел на дереве до самого наступления темноты. Залезть я вполне смог незаметно, при той неразберихе, что царила вокруг, тем более, когда я прикидывал, как залезть, неподалёку рванул гаубичный снаряд, накрыв берёзу столбом земли и пыли, и под этим прикрытием и забрался на дерево, взлетел, можно сказать. А вот чтобы я спустился, что-то никто не торопится стрелять. А есть хотелось, да так, что я с ума чуть не сходил. Вон листочки рвал и жевал. Ещё и старик тот харчи вёз, а меня не угостил, хотя я пару раз намекнул, но тот совершенно спокойно проигнорировал, так что одна надежда на те ранцы, заныканные с оружием и остальными трофеями. Я их не смотрел и не знаю, что внутри, но надеюсь, еда всё же будет. Очень надеюсь.

Когда стемнело, не потемнело, а наступила настоящая ночь и вокруг уже было тихо, и немцы с той стороны обустроивались, и наши ушли, я спустился с дерева и направился к схрону. Бегом. Добрался быстро, хотя и не сразу нашёл

место, там действительно очень всё хорошо спрятано было. Фонарика не имелось, подсветить нечем было, тут ещё, как назло, на небо тучи напоззли, скрыв луну. Фонарик у меня забрали пограницы при обыске, всё вымели из карманов. Так что ползком забравшись в схрон, я решил на ощупь изучить, что там есть в ранцах, но сначала, нащупав, застегнул на поясе ремень с тяжёлой кобурой пистолета. Проверив оружие, я с удивлением опознал редкую модель артиллерийского «Люгера». Сам ремень имел разгрузочную систему, то есть наплечные ремни, а также подсумки для магазинов к винтовке СВТ. Это я всё снял с одного из снайперов, у обоих были подобные системы и пистолеты. Так вот, согнав складки назад, всё это по привычке, я стал изучать один из ближайших ранцев. Я ведь всех немцев обыскал и всю мелочёвку сунул в один из ранцев, забив его до отказа, и, судя по плотности, как раз он мне под руку и попал.

Разбирать его долго, а мне есть хотелось, так что отложил первый ранец и подтянул второй, и первым, что мне попало, был свёрток плотной непромокаемой накидки, плащ по сути, который можно легко развернуть в тент для шалаша. Отличная находка. Я её сразу расстелил на свободном месте, которого, надо сказать, тут было не так и много, и стал выкладывать на накидку всё, что было в ранце, перевернул его, если быть откровенным, и потряс. Мне жрать охота, а не получать удовольствие от изучения трофеев. Да, я не чужд был подобных эмоций, особенно когда добыл такие трофеи

лично. Отложив ранец, я зашарил по куче вещей, вот что-то мягкое попало. Ощупывая, понял, что это нечто завёрнутое в целлофан. Я уже наткнулся тут на перочинный нож, так что, открыв его, вскрыл лезвием целлофан и, отрезав кусок, с удивлением понял, что это так солёное сало у немцев упаковано. Кстати, тут два куска было, примерно граммов по двести каждый. Отлично. Нашупав плотную пачку, галеты, это уже знакомое, встречал ранее, так что вскрыл пачку и стал есть галеты с салом. Сало всё ушло из одной упаковки, как и пачка галет. Запил всё какао, что обнаружил в одном из двух термосов. Тут двухлитровый был, но мне осталось едва литр, остальное немцы выпили, гады. Да и холодное какао уже было.

В этой куче барахла я нашёл фонарик, рабочий, так что, накрывшись накидкой, я за час изучил всё, что было в ранцах, треть мне просто не было нужно, и я оставил всё тут, а всё, что мне необходимо, продовольствие, боеприпасы, часть личный вещей, вроде запасных носков, а то мало ли портянки стирать придётся, что-то в замену нужно, разной мелочёвки – это я забрал. Забрал также и всё оружие. Две винтовки, автомат и два пистолета, у автоматчика почему-то его не было. Тяжело оказалось, я взвесил, килограммов пятьдесят точно выходило. А ведь ещё оптика, два отличных бинокля, что были у снайперов. Жаль, карты у них не имелось, вот тут действительно печально, но имущества я набрал изрядно. В общем, одно ясно, трофеи я не брошу, а всё не унесу, тут

выход один, нужен транспорт. Может, эта мелочность кого и удивит, а я скажу так, ты сначала попробуй эти трофеи добыть, а потом плачь, как я, горючими слезами о том, что мог потерять. Нет, я упорный, что-нибудь придумаю.

Постелив маску на листву, я накрылся накидкой, решив ночь провести здесь, да и спать уже хотелось, и, грызя сухарь, размышлял. Все эти мои метания и войнушки для той войны, что сейчас шла, это что капля в ведре. Нет, на ситуацию в целом я заметно повлиял, вон что успел натворить, особенно в Берлине, немцы на передовой после этого как озверели. Наши же, наоборот, воодушевились, однако те знания, что находятся у меня в голове, по сравнению с этими моими войнушками, по-другому их и не назовёшь, это что колосс по сравнению с лилипутом – несравнимые вещи. В общем, я так думаю, пора на советское руководство выходить, постараться на своих условиях, но пора, потому как победа ковалась в тылу, и, если поднапрячься, я смогу серьёзно повлиять на это. Тут не только знания по этой войне, но и технологии производств. Пусть в основном в бронетанковой сфере, включая полноприводные грузовики, я и ими занимался, хотя и мельком, как инспектор, но подсказать мог многое, а главное, начертить схемы грузовиков и танков будущего, по которым можно составить план производства и при получении некоторых станков, которых в Союзе не было, начать его.

Я не скажу, что об этом раньше не думал, как не думать,

но оттягивал решение, а тут как накрыло, видимо, морально я стал готов к этому и вот решил, что пора. Теперь по позиции я на передовой, причём фактически на нейтральной полосе, и нужно как-то добираться до наших. В полковые особые отделы лучше не соваться, эти и разговаривать не будут, шлёпнут как шпиона, это если на нечисть нарвусь, так что желательно армейский уровень. Всё же несколько раз на связь Большая земля со мной выходила и передавала кодовые фразы, по которым представители особого отдела должны меня передать дальше по инстанции, и последнее такое кодовое слово – «Нюрнберг-45». Не знаю, кто его придумал, но намёк был вполне прозрачный. Решено, иду к ним и сдаюсь, хватит, набегался и навоевался. Может, позже я буду жалеть, корпя где-нибудь над чертежами, возможно даже в закрытой шарашке, но сейчас я решение принял твёрдо, именно этой ночью лежа в укрытии, – пора возвращаться.

Хотя чего тут лежать? Нет, раз есть время и неполная ночь, а до рассвета осталось, судя по трофейным часам, четыре часа, то стоит удалиться от реки насколько возможно. Я быстро собрался, ничего не оставил из того, что было жаль бросить, с дополнительным грузом почти шестьдесят килограммов вышло, аж шатало от тяжести, немцы-то втроём это переносили, однако ничего, поднялся по глиняному кособоку и по лесу направился прочь от реки. Шатало изрядно, но шёл, всё же парень я крепкий. Мне тут одна идея пришла. А я ведь знаю, где стоянка «эмки» и второго грузовика, взятых

трофеями немецкими диверсантами. О ней я не сообщал, как-то подзабыл, а потом стало не до этого, вот и прикинул, нашли их или нет, если нет, то это хорошо, на колёсах я уеду далеко... До ближайшего поста точно. Оттого и не оставил ничего, только ненужное, уж эти два километра-то своё добро я точно донесу.

Думаю, если бы не подробное объяснение как найти машины, я бы их не нашёл. К счастью, был отсвет лобового стекла легковушки, я овраг освещал фонариком, ну и подошёл к пожухлым ветвям, которыми обе машины были закиданы. А так всё верно, правильно тот автоматчик описал местонахождение стоянки. По лесной дороге, она началась в трёхстах метрах от того места, где я танк отбил, двигаться до оврага, что пересекал её, уйти влево по его дну, и за поворотом и стоит захваченная советская автотехника. Всё верно оказалось, нашёл быстро. Могильник, где спрятали тела бывших владельцев этой техники, был в другом месте, где ложный пост организовывали, так что тут было тихо и пахло лишь лесом и чуть-чуть бензином от машин.

Раскидав ветки, я осмотрел технику. Одна машина – типичный ЗИС, точно такой же, как тот, что был передан пограничникам, только этот с открытым кузовом да с какими-то ящиками в нём. Я не поленился, забрался и осмотрелся. Снаряды оказались, такие к Т-34 и КВ-1 подходят. «Эмка» пустая. У легковушки полбака, а в грузовик, видимо, подливали, три пустые канистры в кузове видел, полный бак

был. Сложил все вещи в кабину грузовика, вошло всё, хотя и заняло место пассажира. Используя фонарик, я осмотрел машину более внимательно, «эмку» бросать как-то не хотелось. Взять бы её на жёсткую сцепку, вот это было бы неплохо. Я ещё тот хомяк. Для грузовика тянуть ещё и легковушку на буксире с тем грузом, что был в кузове, конечно, тяжело будет, но вытянет, вроде машина справная, год ей, не более. В общем, прихватил топорик, а я его под сиденьем грузовика нашёл, водитель у него справный был, и срубил две слепи, ну и, используя их, сделал жёсткую сцепку, завёл «захара», он без проблем запустился, хотя и стоял тут больше двух суток, и выгнал его из оврага. Поставил наверху на лесной дороге, с противоположной стороны от шоссе на Житомир. Я не идиот на неё выезжать, наверняка и пары километров не проеду, как тормознут, а вот те полевые малоезженные дороги самое оно, там тихой сапой проеду. Да, я уверен, что и там меня перехватят, но проеду я куда больше, чем по шоссе. Мне перекрёстки не объехать, мосты тоже. Точно перехватят, но я к этому уже буду готов.

Когда я возвращался за легковушкой, вдруг недалеко слышался свист, и раздался хлопок разрыва. Чёрт, немцы рядом, видимо, услышали в ночной темноте громкий звук двигателя, а тот всё же холодный запускался, и начали на звук сыпать минами, это ротные хлопушки, доставали, но вблизи может быть смертельно. Мины падали метрах в двухстах дальше у реки, но вроде приближались, так что, сбежав

вниз, я завёл машину, пробный запуск я уже делал, и выгнал её наверх, подогнал к задку грузовика. Накинуть жёсткую сцепку удалось быстро, руль у «эмки» свободно вращается, со скорости снята, так что, влетев в кабину грузовика, я завёл двигатель и покатил прочь из леса. А немцы, постреляв, замолкли, я уже покинул лес и двигался по полю, включив только подфарники, катил по накатанным телегами полевым дорогам. Нет, грузовики, видимо, тут тоже бывали, но редко, всю технику в армию забрали, оттого и перешли местные на конную тягу.

Ехал я долго, до самого рассвета. В паре мест выезжал всё-таки на шоссе, заблудиться тут было нетрудно. На дороге видел колонны отступающих войск, наших, уставшие бойцы уступали дорогу, я нагло сигналил и ехал дальше. В одном месте вдруг обнаружил колонну танков, приткнувшись у посадки, вытянувшись в линию под прикрытием деревьев, там пара КВ мелькнула в свете подфарников, ну и свернул к ним. Колонна на отдыхе была. Но начкар бодрствовал. Узнав, что я им грузовик со снарядами дарю, мол, нашёл на дороге, даже документов не спросил, чуть ли не обниматься полез, с боекомплектom у них совсем беда, каждый снаряд на счету, а тут три полных боекомплекта имелось. Так что я перекинул вещи в легковушку и оставил грузовик. Дальше танкисты сами разберутся. Да и как не помочь, свои люди, а я покатил дальше уже на легковушке. Снял комбез, форму поправил, вместо фуражки подобранная на дороге пилотка,

там убитые лежали, и вот так катил. А когда рассвело, меня и взяли. Не на шоссе, как раз на полевой дороге и остановили.

Это был такой же подвижный патруль, вроде тех погранцов, а тут смешанный состав, в основном бойцы НКВД, но пара зелёных фуражек тоже мелькали. Отметив, что пулемётчик, поставив на кабину ДП, направил на меня ствол своего оружия, а из кузова посыпались бойцы, это точно наши, не немцы, я остановился по требованию командира, сержанта госбезопасности, и, открыв дверь, выбрался наружу и сообщил:

– «Нюрнберг – сорок пять». Сержант, по этому коду вы обязаны немедленно доставить меня вашему начальству. Дополнительно сообщаю, что отбил эту легковушку у немецких диверсантов, соответственно захваченную ими у наших, в машине трофеи с трёх немцев. Это была снайперская группа, использующая наши винтовки СВТ. Далее я буду говорить только с вашим начальством, у вас полномочий нет со мной вообще разговоры заводить. На этом всё.

– Этот код мне неизвестен, но будем работать, – кивнул сержант и приказал одному из бойцов: – Тимохин, осмотри машину.

На удивление, бойцы патруля отнеслись ко мне корректно, после осмотра салона «эмки» меня устроили в кузове грузовика, стиснув с двух сторон крепкими бойцами, хотя и связали руки спереди, документов-то нет, двое устроились в легковушке, и мы покатали прямиком в Киев. Оказалось,

бойцы были приписаны к отряду, что дислоцировался именно там. Мы уже и УРы проехали, и предместья, и в данный момент, проехав окраины столицы Украины, подъезжали к зданию, где и находился штаб отряда. Сержант молодец, не отправил меня в ближний особый отдел или пересыльный пункт, а повёз именно к своему начальству. Видимо, чуечка сработала, что всё не так просто.

Мне помогли покинуть кузов грузовика, со связанными руками это было сложно сделать, ну и провели в здание. Сержант смотался куда-то, но вернулся быстро, да не один, а со старшим лейтенантом госбезопасности, тот и сообщил, с интересом меня рассматривая:

– Этот код опознания мне известен, товарищ майор К. С вас сейчас снимут верёвки, подождите в соседнем помещении, пока я свяжусь с начальством.

– Хорошо, – просто ответил я, ничуть не удивившись, что меня опознали.

Это в немецких газетах моё фото печатали огромными тиражами. Особенно когда я позировал из люка танка в Берлине, но до советской стороны эти фото дошли в минимуме. Если проще, обычные бойцы обо мне только слышали, а вот такие командиры госбезопасности вполне могли видеть и фото, дали посмотреть для опознания. То есть я подобного не исключал. Всё же несколько пачек берлинских газет я отправил на Большую землю, должны были дойти до адресата. Некоторого тщеславия я не был лишён. И вот сейчас видел

результаты этой работы, меня сразу опознали по внешнему виду, хотя и не удивились, что я тяжелораненый, а стою на своих ногах. Вот это озадачило, но я надеюсь узнать причины отсутствия этого удивления. У меня даже не спросили ничего по этому поводу.

С меня уже сняли верёвки и действительно проводили в соседнее помещение, куда принесли чай и бутерброды, на которые я накинуся с жадностью. Время шло, а пока никакого движения я не видел, только охранник присутствовал тут же в кабинете. Поэтому заказал ещё бутербродов, но мне кашу принесли. В дверь заглянул политрук, причём очень знакомый. Тот, по-видимому, кого-то искал, так как мельком осмотрел кабинет и хотел было выйти, как зацепился взглядом за меня. Пару раз удивлённо моргнул, и в его взгляде начало проступать узнавание. Ещё бы, я его тоже узнал, один из тех двух, что старшего батального комиссара сопровождали, получившего от меня по морде. Тот ушёл, а вскоре вернулся с двумя бойцами НКВД, и несмотря на мои возражения, мой охранник не вмешивался, видимо знал политрука, меня вывели из здания, надев наручники, и подвели к фаэтону, ГАЗ-А. И тут на мои попытки вырваться один из бойцов, по приказу политрука, хорошо так отоварил меня прикладом, окованным металлом, точно по зубам. Выплёвывая осколки, я лишь крем сознания отметил, как меня закинули в легковушку и куда-то повезли. На краю сознания колебался. Чуть не вырубил гад.

Ситуация, надо сказать, буквально вопила, что если я что-то не сделаю, меня просто прикончат. И я теперь полностью уверен, что без НКВД тут не обошлось. А как так? Заходит обычный пехотный политрук и забирает того, кто его заинтересовал, да ещё используя для этого двух бойцов НКВД. А они точно местные были, я видел одного в коридоре, тот вроде как из дежурной тревожной группы был. Похоже, да, всё это спланировано было. Да и удар прикладом, которым у меня было выбито три верхних зуба, от четвёртого обломок остался, и два нижних, тут два обломка, что сильно шатались, порванные губы, кровотечение – нет, шутить со мной никто не собирался. Видимо, я так дотянул время, что мне решили показать, кто тут хозяин, довёл, видимо. Правда, непонятно, при чём тут этот политрук, у нас как бы разная сфера интересов, того вообще тут не должно быть, но пока я мог только предполагать. Думаю, он немецкий агент, засланец, и, опознав меня по фото из берлинских газет, у Т-28 у меня морда испачкана была, рукой случайно провёл, ну и оставил след, а тут с ходу опознал. А раз меня объявили в Германии врагом номер один, причём официально, то, естественно, он решил отличиться, задействовал свои возможности и умыкнул меня из-под носа сотрудников НКВД. Конечно, предположение белыми нитками шито, дали бы ему меня увезти, так что уверен, НКВД точно тут задействован.

Сидел я на заднем сиденье между двумя бойцами, а когда мы въехали на мост через Днепр, тут я понял, если ничего не

сделаю, дальше шансов не будет. Это как озарение было, как вспышка. Поэтому, пользуясь тем, что застегнули мне руки сзади, но локти остались свободными, я резко изогнулся и боднул того бойца, что сидел справа, это он меня прикладом приласкал, лбом в нос. Тот обернулся на моё движение. Удар не сказать что сильный, но хруст был, и кровь побежала, а я, оттолкнувшись, перепрыгнул через этого бойца, второй попытался меня схватить, но не смог удержать, и материя моего френча выскользнула из его пальцев. Так что я покатился по дороге и, несмотря на боль в отбитых плечах, руках и груди, приложило меня хорошо о доски настила, под скрип тормозов легковушки вскочил на ноги и одним махом перелетел через перила, рухнув в воду с десятиметровой высоты. Хорошо, солдатиком получилось, а не плашмя, прыгал головой вниз, но меня в полёте развернуло. Да и воздуха набрал. Правда, из-за стресса, да ещё после того, как отбил грудь о мостовую, долго я продержаться под водой просто не мог. А с моста по пузырям в воде активно палили. И ведь попали гады, руку дёрнуло, но дрыгая ногами, я стал отплывать под мост, где и вынырнул у опоры, тут меня не видно, только с берега, где пляж виднелся, по счастью пока пустой. Течение у моста имелось, но там, где я упал в реку, оно было небольшим, удерживаться за опору было возможно, хотя и неудобно из-за скованных за спиной рук. Хм, застегнули мне их неплотно, поэтому, потянув левую кисть, она вроде посвободнее была, и сдирая кожу в кровь, выдернул-таки её. Сса-

дины болели, но я лишь довольно схватился рукой за опору и, осмотревшись, держась под мостом, поплыл к берегу. Противоположному тому, с которого меня везли. Десантные немецкие ботинки, набрав воды, тянули меня на дно как гири, но я старательно работал ногами, не хотелось бы остаться без обуви, которая к тому же почти по размеру, но потом понял, надо сбрасывать. Поэтому, ныряя у опоры, развязал шнурки и сбросил сначала один ботинок, потом, повозившись, скинул и второй. Сразу легче стало. Ну и рану на руке осмотрел, она на правой была, скользнула пуля наискосок, от плеча борозду до локтя оставила, кровит, но рана не смертельная.

А мысль о том, что политрук засланец, я уже отбросил, если бы он им был, его бы тут не было, свалил бы быстрее собственного визга, а этот по пляжу с другой стороны бегаёт, под мост бойцов прислал, там их два десятка было. Видимо, из охраны моста использовал, так что точно работа НКВД, уже сомнений не было. Под пули лезть я не хотел, поэтому голову почти не высовывал, а, продув лёгкие и набрав воздуха, нырнул и пошёл под водой к берегу, цепляясь за ил руками, чтобы не всплыть. Именно пошёл, тут глубины метра два. Ох, надеюсь, на мосту за водой не наблюдают и не увидят муть, которая может выдать меня. Так быстрее было, а шёл я к камышам, что виднелись метрах в пятидесяти у моста. Причём камыши выше по течению были, искать меня будут и вниз по течению, и вверху, но, думаю, внизу ку-

да как активнее, поэтому я надеялся, что у меня будет шанс спастись. Тут была не в этом проблема, думаю, уйду, опыта всё же набрался, а в том, что из-за разбитых губ и выбитых зубов держать долго губы сомкнутыми я не мог, и постепенно рот заполнялся речной водой с хорошим таким процентом крови. Чуть не захлебнулся.

Вот и камыши, стараясь не шевелить их, высунул рядом нос и рот наружу, устроившись на спине, так меня не видно будет, и отдышался, после этого я, двигаясь вдоль камышей, внутрь мне не забраться, сразу засекут по шевелению, так и направился выше по течению, даже постепенно в ритм вошёл. Удалившись метров на двести, стал возиться с оковами на правой руке, а то болтались, мешали. Тут тоже, обдирая кожу до крови, смог стянуть их, рука в воде не успела опухнуть. Тут же их и притопил. Уходил я долго, в редкие минуты отдыха наблюдая за рекой. Там были видны катера, несколько раз и в мою сторону прожекторами мазнули, когда стемнело. Даже слышал бормотание какое-то, вроде рупор использовали, или динамик, но далеко, не разобрал. В общем, я так понял, начались окраины города, стемнело уже, шесть часов в воде без малого, крови столько потерял, отчего меня изрядно шатало. Да и то, что вода не летняя, осень всё-таки, тоже сказывалось. Хотя назвать её ледяной я не берусь, привык уже, под конец только подмерзать стал. Суета в городе была видна, пару раз даже перестрелки вспыхивали, видимо диверсантов ловили, если они есть, так что, укрыва-

ясь низко висевшими ветвями ивы, я выбрался на берег, где, дрожа от холода – был лёгкий ветерок, вода всё же теплее была, – стянул с себя галифе и френч, после чего стал выжимать их, хорошо выжал и, повесив на ветвях, осмотрел раны. Царапин прибавилось, пулевая рана уже не кровоточила, замокла в воде, один обломок зуба выпал ещё в реке, выплюнул его, а второй сейчас взял пальцами и выдернул. Да и не выдёргивал почти, чуть потянул, и тот в руке остался. Уроды, я это им ещё припомню.

Шевеля руками и ногами, чтобы согреться – меня заметно шатало от потери крови и от голода, всё же не ел шесть часов, а в мою утробу в последнее время изрядно еды лезет, – я наконец согрелся, натянул на себя влажную одежду и дальше стал заниматься, согреваясь уже в ней, на теле высохнет. В общем, я решил, нечего тут топтаться, нужно в город уходить, за городом меня быстро отловят, а там есть шансы спрятаться, найти еду и получить всё, что нужно. Так я и сделал. Патрули военные по городу ходили, на мой взгляд, слишком много. В одном месте, а тут были частные подворья, я обнаружил гулянку, видимо именины справляли, если по здравницам судить. Сидели они в саду, пока оставались тёплые денёчки, и праздновали за большим длинным столом. Ночь была, светомаскировка, но людям и так было хорошо, играл баян, кто-то танцевал в темноте под деревьями, а я, перемахнув через забор, спокойно подошёл к полупустому столу и устроился за ним, сразу приступив к по-

треблению пищи. Сметал всё, что попадалось вблизи, потом пришлось пересесть, так как там, где я сидел, пищи не осталось. Далее сделал так. Взял платок, а он под чугуном был, в котором ранее картошку варёную приносили, её уже съели, и завернул в платок хлеба, нарезанного сала, куриную ножку, кусок пирога с рыбой, и нашёл по запаху колбасы, хотя и немного. Не знаю, кто тут гулял, но богатый стол, даже подтаявший холодец был, я и его попробовал, очень вкусно получилось. Кстати, иногда я примечал, что среди гуляющих военные были. Ко мне один пьяный пристал, допытывался, в чём смысл жизни, но я просто ушёл в темноту и пересел на другое место, с другой стороны. Есть приходилось боковыми зубами, впереди ничего нет, отрезал ножом, что тут нашёл, мелкими кусочками, и так ел. Быстро не получалось, рвать нечем, суки, до сих пор бесит такая гостеприимность, так что я теперь учёный. До конца войны ни за что и никогда в контакт не вступать, да и потом сомневаюсь. Думаю, если тут мне зубы выбили за то, что я сам добровольно пришёл, то там просто пристрелят, а я, несмотря ни на что, жить всё же хотел. В общем, как я думаю, до конца войны провоюю с немцами, но у них в тылу, потом сделаю левые документы фронтовика, может, под ними и повоюю, и, если портал работать не будет, уеду на просторы Союза. Вон, в тот же Казахстан, в шестидесятых и семидесятых замечательное время, как раз для старости и пенсии. Да, решено. Может, во мне сейчас злость говорит и непонимание, почему меня так

встретили, но решил я всё же твёрдо: больше никаких контактов с правительством Союза. Они свой оскал показали, мне не понравилось.

Наелся. Как я уже говорил, из-за того что передних зубов нет и боль никуда не ушла, а вспыхивала с новой силой, ел я медленно, но утробу свою ненасытную всё же набил, да ещё припасов набрал, возможно, на весь завтрашний день хватит. Думаете это всё? Нет, грабить изменника так грабить, конечно, совесть начала возмущаться, но я её придавил. Так что попытался пробраться в дом, но там свечи горят, окна зашторены, увидят и не опознают, ещё крик поднимут, сунулся в баню, а там охи-вздохи, а за домом, где несколько мужиков курили, о чём-то пьяно споря, я обнаружил бельё. Видимо, сохнуть повесили, а перед гулянкой сняли и бросили в корзину. Поискав в ней, подобрал комплект гражданской одежды. Женской. Длинное чёрное платье, кофта, два головных платка, чтобы лицо и голову закрыть, а то по разбитым губам, что сильно вздулись и опухли, распознают. В общем, женщину искать не будут, хорошая маскировка. Одежда влажной была, я потому и понял, что её с верёвки сняли. Я прихватил её с собой, у забора из кустов малины достал узел с едой, перемахнул через ограду и пробежал подальше, ушёл на две улицы, благополучно спрятался от двух патрулей и, найдя дом, где не гавкала собака, забрался туда и устроился в кустах вишни. Они густые, со стороны не должно меня быть видно, ну и уснул, накрывшись женской одеждой, хоть

что-то.

Утром меня разбудило покашливание. Не дрыгаясь, я осторожно покрутил головой, вроде меня не обнаружили, и, чуть приподнявшись, осмотрелся. Ага, тут старики жили, вот дед, сидя на завалинке, и правил какой-то ремень, я подзреваю, от лошадиной сбруи. Сев, я развязал узел с продовольствием, а есть хотелось снова так, как будто я ничего не ел, взял тот кухонный нож, а я его тоже прихватил, острый, и стал нарезать треть припасов мелкими кусочками, чтобы мне было удобно жевать. Ну и вот так начал есть, внимательно поглядывая по сторонам, чтобы врасплох не застали. Среди припасов горшочек с квасом был, их там на столе шесть стояло, вот я со всех остатки слил и один наполнил, закрыл вощёной бумагой и с собой взял. Но пил понемногу, пока непонятно, где воду брать. Поев, я снова лёг и задумался, нужно что-то делать, найти временное пристанище, и подворье этих стариков, бабка тоже выходила, что-то собирала с грядок, мне вполне нравилось. Глуховатые и подслеповатые старички моё присутствие вряд ли заметят. А то, что они имеют этот недуг, обычно приходящий к старости, я отметил по их общению – явно привычному, почти ласковому переругиванию.

К обеду они ушли в дом, я покинул вишню и, пробравшись к хозпостройкам, забрался на старый сеновал. Сено тут ещё было, хватит, чтобы спрятаться. Только кормить было

некого, видимо отказались от хозяйства, доживали своё время, кошка имелаась, та ко мне колбасу бегала клянчить, да с десяток кур – вот и всё, что у них было. Так что устроившись там, я пообедал и стал возиться с ранами. Платок уже не нужен был, остатки продовольствия сложил в углу, поэтому, нарезав его, собирался наложить что-то вроде бинта на рану на руке. Всё же кровила потихоньку. Шить нужно, всё же глубокая борозда, да и закрыть от пыли и грязи необходимо. Этим я и занялся: поднял воротник, выдернул иголку с нитками и, сунув в рот кляп, ох и больно, стал неловко левой рукой шить рану. Восемь швов наложил. Когда закончил, весь в поту оказался. И с полчаса лежал, тяжело дыша, приходя в себя. Только после этого повязку наложил, предварительно смочив её мочой. Потом отдыхал часа два и, когда силы вернулись, делом решил заняться. Померил женскую одежду, нужно же привыкать к ней, а потом, снова переодевшись в свою комсоставскую форму, залёг на сене, отдыхая и поправляясь, набираясь сил, именно это мне и было нужно. Да, оставшийся обломок зуба тоже наконец выпал, а то одна боль от него. Вот теперь дёсны пусть потихоньку заживают.

На сеновале я так и провёл следующую ночь. И утром, переодевшись в женские одежды, ещё даже не рассвело, тихо прокрался к туалету, где утопил палкой свёрток с формой. Уничтожил улику. После этого покинул подворье, изредка проверяясь, уже светлеть начало, и направился в сторону рынка. Точнее, буду искать, где он находится, я не знаю,

а спрашивать с моей дикцией — это вызвать подозрения, да и голос у меня грубый, мужской. Я попробовал говорить и понял, надо учиться и приноравливаться, совсем голос изменился из-за отсутствующих зубов. Сам едва понимаю, что говорю. Оделся я вроде нормально, то, что бос, так многие так ходят, сороковой размер ноги для женщин, конечно, великоват, но сильно в глаза бросаться не будет, скорее даже наоборот, вполне симметрично смотрится. Открыты у меня были только щиколотки. Рукава длинные, это хорошо, платок белый, что я так сохранял, тот самый головной, был хорошо замотан. Почти четыре часа учился, пока не усвоил эту нелёгкую науку. Закрыта голова, нос и губы. Видны только глаза. Я бы и нос оставил, однако от удара прикладом у меня под глазами залегли тени, и женщина с двумя фингалами, мне кажется, будет привлекать излишнее внимание, что мне категорически противопоказано. Правда, я в таких одеждах женщин в основном по деревням видел, в городе куда меньше, но с начала войны тут столько беженцев оказалось, к ним уже постепенно привыкли, и теперь не думаю, что на меня обратят внимание.

Вчера я доел все припасы, и утром меня просто крутило от голода, тело требовало ресурсов, а их не было, лишь воды напился из колодца стариков, но этим долго желудок не обманешь. Двигаться тоже сначала пришлось учиться. Никаких широких шагов и размахивания рукой для удобства, семенил, опустив глаза, вот так и двигался. А заметив жен-

щину с пустой корзиной, уже рассвело и чем дальше, тем больше народу на улицах появлялось, последовал за ней. К счастью, мне повезло, она действительно шла на рынок и, сама того не зная, довела меня до него. А тот уже бурлил, покупатели всё подходили и подходили. Вот и я туда шмыгнул и стал изучать ряды. Пока особых идей у меня не было, а нужно закупиться, но я надеялся что придумать. Нож тот кухонный был при мне, примотан к левой руке, я же всё-таки правша; рукоять вперёд, не выпадет, его можно только выдернуть, так что, если что не так, есть средство. Рынок поражал, похоже, с войной он не только не закрылся, а ещё и разросся. Орали бабки, продавая свежее молоко и булочки с пирожками, горланили попрошайки, коих на рынке оказалось на удивление много, воришек тоже было изрядно, я пока шёл, цепким взглядом приметил, как обворовали двоих. А это идея, и чем я больше о ней думаю, тем больше мне она нравится. Денег-то нет, но воры есть, они со мной и поделятся. Тем более опыт московский имелся, как мы бандитов там чихвостили. Правда, тут я их грабить буду, а не зачищать, но особой разницы для выживания я не видел. Эх, тот бы схрон посетить, что у Москвы был, где в дупле в роще деньги спрятаны, вот там изрядно было, на многое хватило бы.

Охота на воришек началась с того, что я стал выслеживать их, старясь делать это незаметно и, что немаловажно, скрытно. Иначе засекут и всё прахом пойдёт. Видимо, не помогло, да и не такой я спец по наружке, чтобы местных провести. В

общем, чем-то я себя выдал, и, когда я последовал за тем, к кому стекались все деньги, там за сараями меня уже ждали. Кроме того молодца, за которым я шёл, был с ним ещё один, и ещё двое заступили дорогу сзади, перерезая отступление. Здоровые морды, почему не воюют? Парни-то, что по карманам шарили, все как один малыцы, а этим за двадцать, ряхи отъели, скоты. А вот встречали меня радостно. Лыбясь, тот молодчик, который забрал все уворованные деньги, первым тишину и нарушил:

– Ох какая краля, и с чего бы ей за мной ходить? Не понравился ли, случаем?

Я только сейчас, с выбитыми зубами, начал отчётливо понимать, что молчание – золото. Поэтому просто подходил к ним, та пара, что со спины шла, приблизилась, и когда уже настал миг, что меня вот-вот схватят, молодчик ещё и нож достал, хороший такой свинорез, а я внезапно для всех выдернул нож и чиркнул им по горлу обоих, молодца и того, что стоял рядом. Уж больно шикарно те подставились под один замах, отшатнуться не успели, хорошие линии на горлах прочертил, повезло, что они одного роста, не пришлось наискосок бить. Ну и, развернувшись, я левой рукой врезал в челюсть одному и всадил нож в грудь второму. У одного нокаут, у второго нож в сердце, труп. Действовал я быстро, посмотрев на кофточку, та светлая, на неё брызги крови попали, это на юбке чёрной их не особо видно, да и то затёр, ну и стянул куртку с того, что вырубленным лежал, повесив

её пока в стороне. За это время порезанные уже прекратили дёргаться, фонтанируя кровью, поэтому только сейчас обшарил карманы всех четверых. Толстая пачка денег и монеты ещё были у молодца, у остальных трофеи тоже имелись, но не такие высокие. Зато нашёл два нагана с небольшой россыпью патронов и аж шесть ножей. Забрал всё.

Надел куртку. Она мне заметно велика, но ничего, нормально. Проблема была не с ней, а с трофеями, сумки или сидора нет, всё по карманам не распахает. Нужно было что-то делать, что-то придумать. Решение нашлось: спрятать большую часть трофеев. При себе оставил половину денег, остальное спрятал подальше от места, где приговорил четверых парней, четвёртого я без особых сомнений добил, ну и след трофейным табачком посыпал, не знаю, использует местная милиция собак или нет, но на всякий случай. Спрятав всё, что пока не нужно, я направился обратно на рынок. Там первым делом купил большую корзину и материю, коей закрыл корзину, чтобы не показывать содержимое. С корзиной на сгибе локтя я вообще отлично вписался в местную суету, на меня никто не обращал внимания, я как бы стал серой массой. После приобретения корзины я заметил отличный большой вещевой мешок, явно сами шили из хорошего материала, новый, можно сказать, проверил и купил. Всё я это делал молча, не сказав ни слова, жестов вполне хватало, меня понимали, сообщали цену, и я оплачивал, так и шло. После вещмешка отловил бабку и приобрёл у неё все

оставшиеся двенадцать пирожков с мясом, шесть с ливером, девять с луком и четыре с капустой. Их почему-то больше всего разбирали. Ну, и крынку молока. После этого покинул рынок и, укрывшись в зарослях кустов, тут рядом пустырь был, достал нож, размотал платок, чтобы освободить лицо, стал резать пирожки и за полчаса утолил голод. Половины пирожков как не бывало, да и молоко всё выдул, что было. К счастью, пока я трапезничал, меня так никто и не застукал, поди объясни, почему мужик в женской одежде да с мордой разбитой тут прячется.

Сразу возвращаться я не стал. Меня ведь засекли, и то, что те четыре молодчика решили меня прихватить, мелкие воришки могли знать, а как обнаружат тела, вполне возможно, начнут искать на рынке, оно мне надо так палиться? Поэтому посидим тут часа четыре, до обеда, пока накал поисков не снизится, и можно будет посетить рынок снова. Только надо как-то внешность поменять, точнее одежду, а то эта известна, да и куртка, что на мне, тоже. В общем, придумаем что-нибудь.

Так я в этих кустах и просидел, и подальше от входа, там одинокие путники заскакивали, нужду справить, в общем, как туалет был, это у меня тут тихо и свежо. Часы наручные у меня были, из той четвёрки их имел только вожак, тот молодчик, и по ним дождался часа дня, я за это время оставшиеся пирожки приговорил и вот направился обратно на рынок. Бабки, расторговавшись, уже разбежались, но мне и без них

было у кого что купить, так что, внимательно поглядывая по сторонам, народу тут, похоже, было даже больше, чем утром, я стал выискивать то, что мне нужно. Покупал по одной вещи у разных торговцев, чтобы те не задались вопросом, а чего это баба мужскую одежду приобретает. Самое важное – это конечно же обувь. Нашёл сначала одного торговца, там не было нужного размера, потом второго. У этого оказались сапоги сорок первого размера, тоже неплохо, хоть не малы будут. Пошиты хорошо и качественно, так что оплатил, а у его соседки два комплекта портянок купил, теплых, на ворсе. И, подумав, шерстяные носки по размеру. Брал всё на глаз, не будешь же мерить перед ними. Потом нашёл кепку и теплую куртку с длинными полами. Всё покупки убрал в корзину. Купил два комплекта трусов и маек, потом армейское утеплённое бельё, не ношеное, продали из-под полы. Штаны и две рубахи приобрёл. Пытался найти плащ, но случайно обнаружил пусть и старую, но целую, без дыр армейскую плащ-палатку. Купил её. Одеяло шерстяное взял.

На этом по одежде всё. Всё так же поглядывая внимательно по сторонам, занялся продуктами питания и утварью. Приобрёл глубокую тарелку, ложку с вилкой, фляжку, котелок и чайник. Сковороду брать не стал, не скоро мне ещё жареным лакомиться. Соли полкило взял, перца с трудом нашёл, круп два кило, картофеля тоже два, с десяток луковиц, муки кило и макарон две пачки. Случайно увидел, в серых картонных коробках. Потом заметил консервные бан-

ки, оказались рыбные, взял два десятка. Есть не просят, тут главное – вес. Всё продовольствие я убирал в корзину, а всю одежду и одеяло с плащом переложил в вещмешок, кроме сапог, так что теперь мешок за спиной был, корзина на сгибе руки. В принципе в корзине место ещё есть, хотя уже тяжело-вато, но ничего, справлюсь. Поискав, приобрёл рыболовные принадлежности, без удилища, если потребуется, сам срежу. Нашёл материю, что может заменить шейный платок, низ лица прикрывать, взял два отряда – чёрного и зелёного цвета. Блокнот ещё купил и карандаш.

Потом вернулся в продовольственные ряды, так как в вещевых заметил одного из воришек, но тот вроде меня не приметил. Тут взял две половинки пирога с капустой и вишней, две крынки молока, два десятка вареных яиц, мне предложили ржаных сухарей, взял два кило. Мне, конечно, их не разгрызть теперь, но если в чай помакать, а я купил его, вместе с баночкой мёда, то вполне есть можно. Только после этого я направился к выходу. А там, старичок как раз подъехал, солёное сало продаёт прямо с телеги, да ещё не прошлогоднее, а свежее, два месяца назад засолил. Я разве пройду мимо такого сокровища? Денег не так и много осталось, потратил больше, чем рассчитывал, но остатка хватило на два с половиной килограмма. Дед тремя кусками выдал, обернув в чистую холстину. После этого, тяжело нагруженный, я добрался до схрона, к счастью, его никто не обнаружил. Забрал всё, что там оставил, убрал в мешок, в корзине места не было,

один револьвер спрятал под куртку, выхватить можно быстро. После этого я направился к окраине столицы Украины. Пора покидать этот не самый безопасный и, что уж говорить, не самый добрый город. В общем, мне тут не понравилось, и не думаю, что когда-нибудь хоть раз вернусь сюда, впечатления остались ну самые негативные. И, что ни сделаю, их уже не изменить.

План был такой. Город покинуть ну очень сложно – посты, засеки, секреты, подвижные патрули. От деревенских я наслушался, те обсуждали усиление охраны города, всех осматривают, даже детей, поэтому выход один – река. Не думаю, что её тоже оставили без внимания, даже больше чем уверен, что и там немало секретов и постов наблюдения, что поднимут тревогу при любом шорохе или при виде любого плавсредства, так что и тут отход – палка о двух концах. Я двигался к реке, но целью моей была отнюдь не она, а железнодорожный мост, на котором поезда заметно сбавляют ход и можно вскочить на площадку. А если грузовой, то и на платформу. Мне далеко не нужно, километров на сто, чтобы уйти за зону поисков. Да, все поезда идут на Москву, туда линия свободна, и хотя немцы бомбят её часто, восстанавливают пути очень быстро. Это единственный шанс, который я просчитал, по-другому прорваться из города вряд ли получится. А то, что ищут меня, я понял по срокам. Усиление наступило после моего побега, по времени сходится. Добить хотят, к гадалке не ходи. Не доделали работу и вот хотят

закончить её. Ничего, я найду возможность перебраться через линию фронта, желательно по воздуху, оно так быстрее и комфортнее, а дальше уже освоюсь в белорусских лесах, там в сорок первом партизанского движения почти и не было, ну и сформирую отряд. Хотя нет, глупость сказал, меня тогда быстро вычислят и группу зачистки вышлют для окончательного решения вопроса. Значит, будем действовать в одиночку, тогда я пакостить немцам буду долго. Да, так правильнее.

У железнодорожных путей частные дома были, и у одного дома малина разрослась не только на огороде, но и снаружи, вот там я и спрятался, ожидая ночи, укрылся хорошо и после недолгих размышлений уснул, завернувшись в плащ. Нужно выспаться до наступления темноты, чтобы без усталости и сонного состояния попытаться взобраться на платформу. Уж я постараюсь. Выхода всё равно другого не было, раз на меня такую охоту до победного конца устроили.

Заметив, что эшелон замедляет ход, я приготовился, и когда на повороте он ещё больше сбросил скорость, я аккуратно отпустил корзину и мешок и почти сразу последовал за ними, катясь по склону. Уехать из Киева я смог без проблем, поезда тут действительно шли медленно, так что ночью влезть на платформу, предварительно закинув туда корзину и мешок, оказалось не трудно. А потом спрятался под брезентом, обнаружив, что вывозят станки. По крайней мере,

я прятался за большим промышленным станком. Охрана, к счастью, не заметила этого, хотя на площадках были красноармейцы. Ладно хоть, ночь тёмная, светомаскировка полная была, немецкие бомбардировщики так и гудели над городом. А вот дальше пошли одни проблемы. Для начала покинуть поезд я не смог, на платформе устроилось несколько бойцов, что разговаривали почти всю ночь. А потом мы весь день простояли на узловой станции, и охраны там хватало, незаметно не выберешься, даже если в женскую одежду одеться. А я, перед тем как на платформу запрыгнуть, сменил одежду на мужскую, чтобы разнашивать, так сказать, покупки. Ну, а следующей ночью поезд дальше пошёл. Ладно хоть платформа свободна от посторонних, однако двигались мы быстро, и спрыгнуть не получится, поломаюсь, и вот только сейчас дождавшись удобного момента, я и смог покинуть состав.

Собрав вещи – упаковано хорошо, ничего не посеял, не повредил, – и дождавшись, пока поезд уйдёт, весело насвистывая, я направился в поле, тут рядом с железными дорогами обычно бывают автодороги, но пока ничего подобного не встретилось. Конечно, моё шипение свистом назвать сложно, но причины для радости имелись. Например, вчера, сидя под брезентом и опасаясь сделать лишнее движение или на шуметь, я снял повязку и осмотрел рану, а там лишь шрам, вот я, едва слышно шипя, и убрал нитки. А потом мешавшая мне припухлость на дёснах преподнесла сюрприз. Зеркала не было, так я достал один из трофейных ножей, там

лезвие как зеркальце, и осмотрел. У меня новые зубы росли. Чёрт, а я думал, что способность быстро заращивать раны у меня пропала. Оказалось, нет, все ссадины и травмы тоже пропали. Лишь короста ссыпалась с молодой кожи. Так что настроение у меня действительно было хорошим, но это не значит, что я вот так снова побегу в кровавые лапы палачей из НКВД, одного раза хватило, больше, спасибо, не надо, наелись по самую маковку.

Тут вдруг трава, что цеплялась за сапоги, пропала, я чуть не споткнулся о колдобину. Оказывается, на дорогу вышел, лужи блестели, видимо, тут дождь на днях был. Вдали слышалось гроыхание и виднелись вспышки, это не снаряды или бомбы рвались, непогода разыгралась, так что, достав плащ, скоро, чую, и дождь пойдёт, я осмотрелся и направился по обочине дороги в обратную сторону, то есть в сторону Киева. И километра не прошёл, как заметил дорожный столб, чуть не ткнулся в него, а так бы точно мимо прошёл. Посветил спичкой с одной стороны, какие-то две деревни или села указаны, поди знай какие. Перейдя на другую сторону, снова посветил, удивлённо пробормотав:

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день. Однако.

На табличке было указано, что до Москвы тридцать шесть километров. Да это фактически рядом. Так что я отошёл чуть в сторонку, положив на высохшую старую траву как корзину, так и мешок, и задумался. Конечно, лезть в пасть зверю в моём случае это очень опасно, но тут, когда я под-

свечивал дорожный знак, у меня интересная идея возникла, загорелась, видать, муза поспособствовала.

В общем, а почему бы мне не добыть документы, желательно хорошие и ненастоящие, чтобы с владельцем или его знакомыми не встретиться, обустроиться в Москве как приежому и по первой же повестке идти служить в армию. Отвоюю всю войну честно, и можно уже своими дальнейшими планами заняться. Я, конечно, не люблю командиров над собой, а придётся научиться ладить. Наверняка ведь простым красноармейцем буду. Эх, в танковые войска бы попасть. Посмотрим, как получится.

Вообще мне такая идея очень понравилась, чем в белорусских лесах бирюком жить, а тут свои, оно так легче. Поэтому, подхватив вещи, я направился в сторону Москвы, приняв окончательное решение и мысленно строя планы, как всё это осуществить. Строить эти планы мне не помешал начавшийся мелкий дождик, а чуть позже, когда свернул к леску, по шуму листьев понял, что там деревья, и, укывшись под ёлкой, просто подняв нижние лапы, сделал шалашик и, натаскав сухостой, развёл мелкий костерок. Воды не было, фляга пуста, то, что имелось в крынках, давно выпил, родника или речки рядом не нашёл. Но вода с неба вполне неплохой заменитель, неподалёку я обнаружил широкие листья лопухов, повесил их так, предварительно помыв дождевой водой, чтобы вода стекала в котелок, чайник и тарелку, так быстрее наберётся, а сам, забравшись в шалашик, вскрыл три банки

с консервами и стал жадно есть. Это да, я жуть какой голодный был. Всё, что можно было съесть, я съел, пока прятался под брезентом. Ладно, пироги или яйца, с ними проблем нет, но я даже консервы подъял, девять банок, постарался их тихо вскрыть, и всё съел. Но это не всё, молоко в крынках, я там размачивал сухари. Это всё, ничего из того, что не нужно готовить, больше не осталось, ну кроме НЗ из консервов и сала, а сейчас я хотел похлёбку сварить, для чего воду и набирал, а эти три банки – это так, для разогрева аппетита и погашения острых приступов голода. Кстати, выбравшись из-под ёлки, я вырыл одним из трофейных ножей яму, где и закопал яичную скорлупу и консервные банки, то есть тот мусор, что мог бы остаться на платформе, но я забрал с собой, чтобы не оставлять следов.

Вскоре дождь перешёл в ливень, с грохотанием грома и вспышками молний, так что мои ёмкости стали быстро наполняться. Я слил из остальных всё в котелок и поставил его закипать, а под листья, где стекало больше воды, помыв, ещё и крынки из-под молока поставил. Флягу наполнил, пусть запасная вода будет. А потом, сварив похлёбку на сале с крупой и картошкой, поел. Жирное получилось, но, макая в похлёбку сухари, поужинал, вкусно очень вышло. И чайком всё с мёдом потом лакирнул. Ну, а после чая, завернувшись в одеяло и обе куртки, трофейную я тоже считаю, уснул. Спать тоже нужно, а всё то время, что я провёл на платформе, не сомкнул глаз, больше суток не спал, поэтому и вырубил ме-

ня так легко. А еды я мало взял, рассчитывал на неделю, не меньше, но похоже, тут и четырех дней не будет, ещё пару дней, и подъем оставшиеся припасы. Надо в Москву идти, закупаться. Да и вообще пока в Москве устроиться. До того как лечь спать, я успел всё обдумать и уже окончательно решил: обустраиваюсь в Москве, получаю документы, возможно, приобретаю жильё, тут всё зависит, найду ли я те пачки денег в дупле, ну и по повестке призываюсь в армию.

Проснулся, когда уже рассвело, судя по часам, было около девяти – значит, часов пять проспал. Мне этого вполне хватило, так что, разведя костерок и разогрев похлёбку, ещё шесть сухарей размоченных съел, а потом горячей водой из чайника помыл котелок, ну и чаю попил. Переоделся в женскую одежду, сапоги на ногах мужские были, другой обуви у меня всё равно нет, и, забрав все вещи – куртка с чужого плеча завершала образ беженки, – вышел на дорогу и направился по обочине в сторону Москвы, время от времени скидывая лепёшки земли с сапог. Чуть позже меня две телеги нагнали, деревенские в столицу ехали, вот возница передней, благообразный старик, предложил ехать с ним, так что, устроившись на облучке, я молча слушал новости, которые происходили в их деревне. Старик, заметив, что я молчу, стал задавать наводящие вопросы, но, услышав моё мычание, сразу понял, что я немой, то есть немая, и, уточнив, получил мой кивок и продолжил общение. Мне кажется, он

даже обрадовался, ещё тот болтун, и так как, получается, я ему не соперник, то отыгрывался вовсю за моё молчание.

Иногда попадались дорожные столбики. Двигались мы долго, и я поглядывал на них, припоминая карту окрестностей столицы, чтобы определиться, где нахожусь, и связать своё местоположение со схроном. Я хотел сначала его посетить, прежде чем в Москву двигаться. Мы остановились на обед, где из своей пищи на общий стол, а ехало четверо, трое на второй телеге, положил только сало, зато поел свежего хлеба, это хорошо. А деревенские не особо удивились моему аппетиту – беженка, голодала, что тут ещё скажешь, даже жалели, подкладывали лишний кусок, а я брал, совестно, но брал, есть хотелось. Да я помню про платок, что закрывал всё лицо, оставляя только глаза. Ничего объяснять не пришлось, почему я скрываю лицо и, беря еду, отхожу от телеги, где это все разложено было, и ем спиной к ним, деревенские сами всё придумали и нашли аж семь версий, я кивнул на ту, что у меня лицо обезображено. Я же не буду показывать свою, надо сказать, сильно заросшую щетиной морду лица, синяки уже сошли, на разбитых губах только шрамы белели, но чую, и они вскоре сойдут. Кстати, в дёснах проклюнулись зубы. Уже белели остриями, так что я потихоньку сам ел, откусывая, а не нарезаю ножом, как раньше. Дёсны чесались, так что такое жевание способствовало удалению этой проблемы. Теперь понятно, чего маленькие дети резиновые игрушки грызут, я бы тоже что такое погрыз, но, к счастью,

был хлеб с салом и остальное, что не побрезговали дать деревенские. Наелся.

После обеда мы прокатились ещё с шесть километров, до Москвы едва пятнадцать осталось, как я заметил очередной дорожный знак с названием деревни. Ну наконец-то первое знакомое название населённого пункта. Так, если я не ошибаюсь, то нужно двигаться вдоль окраины Москвы километров десять, не меньше, и будет нужная роща. Что ж, идём. Потрогав старичка за плечо, я знаками показал, что всё, схожу, мол, мне надо в эту деревню. Тот кивнул и остановил телегу, что позволило мне слезть. Забрав вещмешок с корзиной, я поклонился ему в благодарность и направился в сторону деревни. Проходить ее пришлось по единственной улице, обхода я не приметил, некоторые из жителей выглядывали из-за заборов, но никто не выходил, видимо беженцев тут немало повидали. Покинув деревню, я направился дальше и уже ближе к вечеру, а шёл я не быстро, семенил чисто поженски, оказался у нужной рощи, где мы у немцев самолёт перехватили. В деревню, где с участковым общался, я не заходил, она правее осталась со стороны столицы. Найти схрон удалось, уже когда почти стемнело. К счастью, хоть слегка отсырело, но всё было на месте, что не могло не радовать. Разворошив листья, я достал свёрток, пачки были завернуты в портянки, и осмотрел. Две пачки по пять рублей, то есть было там две тысячи рублей, по тысяче в пачке. Это легко определить, в каждой по двести банкнот. Ещё четыре пачки

десятирублёвыми купюрами, а это уже восемь тысяч. Ну и одна пачка с трёхрублёвыми купюрами. Это всё, что у меня было в схроне, общая сумма десять тысяч шестьсот рублей. Ну и плюс то, что осталось от того молодца из Киева, ещё триста рублей. Почти одиннадцать.

Я всё убрал в вещмешок, на самое дно, и, найдя ельник, устроился под ёлкой, срезав нижние ветки, и стал готовить лагерь, развёл костерок, воды в ручейке набрал и, сварив похлёбку, поел, потом чаю попил и, собравшись, направился в сторону столицы. Пока ночь, я хотел обойти возможные посты и пробраться в город, чтобы там к рассвету оказаться. Кстати, я уже переоделся в своё, мужское, и шёл с открытым лицом, одежду женскую в корзину убрал. Она меня не раз выручала, вот и думаю, что в будущем ещё пригодится. Котелок с остатками похлёбки я нёс в руке, держа за дужку, но под конец пути убрал его в корзину, уже пустой и помытый в водах речки, доел, что было, ещё тёплое. А помыл хорошо, песочком речным отскоблил. И вот так идя по берегу реки, не обнаружив никого, я и оказался на территории города, уже когда почти полностью рассвело. Первым делом я направился на рынок, спросил у прохожего, где тот находится, он и показал ближайший колхозный. Там я продал всю утварь, остатки продовольствия и корзину. При мне остались только женская одежда, одеяло и плащ, всё в вещмешке находилось за спиной. Про оружие я и не говорю. Все ножи, кроме одного, тоже продал. Носить поклажу мне было не с руки, вот и

избавился от ноши, если потребуется, потом снова приобрету. Тут бабушки, да и просто женщины, что продавали разные мучные изделия, тоже встречались. Купив с десятков пирожков и столько же варёных яиц, я тут же поел, запив всё горячим чаем, утолил так лёгкий пока голод. Да уж, что-то в последнее время у меня мысли только о еде, но причины уважительные, так что ничего не попишешь. Однако я стал замечать, что с каждым днём позывы голода все слабее и надеюсь я быстрее. Похоже, эта проблема уходит в прошлое. А сейчас пока я прогулялся по рядам. Нашёл новенький помазок и опасную бритву, штука нужная, в Киеве я не приобрёл их, подзабыл, а тут нужна. Купил и кусок мыла. Однако рядом с рынком я заметил парикмахерскую, когда мимо проходил, она ещё закрыта была, открывается в восемь утра, и когда время наступило, я туда прогулялся. Волосы уже заметно отрасли, так что меня коротко постригли, поармейски, и побрили. Вернувшись на рынок, я стал искать так называемых деловых, то бишь воришек. Сами они мне не интересны были, но вот их главный – даже очень. Вычислив его, как-то это быстро получилось, меня пока вроде не засекли, подошёл и сказал ему:

– Мне тут шепнули, что ты знаешь одного уважаемого человека.

– Я много кого знаю, и все они уважаемые, – хмуро меня разглядывая, видимо не понравился, сообщил тот.

– Я с пересылки ушёл, до Москвы добрался. Не знаю тут

никого. Пригляделся, вроде ты варягами на рынке командуешь?

– Кем?

– У нас так мелких щипачей называют.

– Ха, варяги, а мне нравится, – ухмыльнулся тот. – Так кто тебе нужен?

– Человек нужен, что поможет с документами, да такими, чтобы ни один мент не подкопался.

– Мент? Хорошо сказано.

– У нас их ещё мусорами называют.

– А ты мне нравишься, – заржал тот. – Надо запомнить. Мусора – ещё лучше сказано. А с документами, да ещё такими правильными, чтобы жить можно, только Сфинкс поможет.

Парень уставился на меня, явно ожидая, как я среагирую, пришлось реагировать правильно. Задумался, слегка нахмурившись для видимости стимуляции памяти, и пробормотал:

– Вроде слышал о нём. Это не ему нос откусили?

– Не откусили, а ножом срезали, – недовольно сказал парень. – Столько историй ходит, но всем верить нельзя.

Я лишь порадовался, что выстрел наудачу сработал. Поди знай, за что ему такую кликуху дали, так что попал, куда нужно.

– Деньги есть? – сразу уточнил тот.

– Кассу взял в дороге, – кивнул я.

Этого тому хватило, тот подозвал помощника, или сменщика, такого же парня лет двадцати, я отвернулся, чтобы тот не видел моё лицо, и мы направились к месту, где проживал или пока находился этот Сфинкс. А то, что я личиком не хотел сверкать, так были причины, потому как я уже приговорил и этого парня, что шёл рядом, и Сфинкса с его людьми. Если он не один будет. Концы я собирался рубить по-жёсткому, чтобы не отследить было. При этом внимания на ходу не ослаблял, вон как молодчик заинтересовался, услышав о взятой кассе, вдруг попытается завезти в глухой уголок и ножом под рёбра? Куш мог, по его мнению, этого стоить. К счастью, если он это и планировал, то не стал делать, а привёл к району, где стояли двухэтажные кирпичные дома, и, проведя во двор, прошёл в подъезд, а там и к квартире на первом этаже. Шёл я с низко надвинутой кепкой и челюсть слегка вперёд выдвинул, чтобы если менты наблюдали за этой малиной, то потом не могли опознать. Постучавшись явно условным стуком, парень стал ждать ответа. Нам открыл мужичок лет тридцати, что сверкал золотой фиксой.

– Это со мной, – сказал ему парень, и нас провели в зал, где сидел ещё один мужик. Это и был Сфинкс, сразу видно, нос ему слегка покорёжили, но не срубили под корень, как можно было бы подумать.

– Сфинкс, это из наших, в бегах, документы хочет купить, деньги есть.

Тот пристально, острым изучающим взглядом прошёлся

по мне, после чего несколько хриплым голосом сказал:

– Легавым от него не пахнет, но всё равно что-то не так. Может и подсылным быть.

Я лишь ухмыльнулся, стараясь не растягивать губы, чтобы прореху во рту не было видно, и сказал:

– Можешь не опасаться, облавы не будет, мне действительно нужны документы.

– Деньги покажи.

Скинув вещмешок, я отложил его в сторону и, достав из кармана пачку трёхрублёвок, кинул её на стол в центре комнаты, на столешницу которого левым локтем опирался Сфинкс. Молодчик стоял рядом, по правую сторону, а тот с фиксой сипел перебитым носом за моей спиной, и это мне больше всего не понравилось. Молодчик не уходил, потому как я ему пообещал оплату за то, что сведёт меня с нужными людьми, но пока ситуация не располагала к тому, чтобы их тут всех положить. Покосившись на молодчика, который меня сюда привёл, Сфинкс грубо спросил:

– Кули встал как памятник?

– Он мне три червонца обещал.

– Забирай деньги и уходи. Не хрен здесь уши греть.

Тот молча получил от меня деньги и ушёл, я едва слышно тоскливо вздохнул. Это не по плану.

– И что ты хочешь? – пальцем проведя по краю стопки банкнот и протрещав ими, спросил Сфинкс.

– Полный комплект чистых документов, чтобы никто при-

драться не смог. Например, жителя Киева со всеми положенными метками, чтобы от них и духом зоновским не пахло. Паспорт, военный билет, удостоверение водителя на управление всем транспортом и желательно партбилет с оплаченными в Киеве взносами. Если есть возможность, то ещё сделать выписку о рождении из церковной книги, откуда-нибудь из-под Киева, так совсем хорошо будет.

– Это очень сложный заказ, но мне по плечу, никто не придерётся. Только этого мало, – постучал тот согнутым пальцем по пачке трёхрублёвок. – Да и партбилет, книжица краснопузых, тоже не простая работа. Хотя бланки у меня есть, настоящие, только их выдавали в Харькове, это по их номерам можно понять. Если другой адрес выдачи нарисовать, просекут.

– Хм, я мог работать в Харькове и там получить партбилет.

– Понимаешь, молодец. А не проще все документы на Харьков сделать?

– Я в Киеве жил, а в Харькове не бывал никогда. Лучше место жительства Киев, а партбилет из Харькова.

– Я не буду спрашивать, зачем тебе он нужен, но за всю работу, кроме этой пачки, хочу ещё две тысячи.

– Хм, дороже, чем я думал, но если всё как обещаешь, то согласен. И да, сколько я партбилетом буду владеть?

– Весной получил, книжицы свежие, состарить не получится, по тем же номерам поймут, когда их отпечатали.

– Тогда взносы за два последних месяца не отмечай.

– Сделаю. Оплата?

– А документы? Увижу их, тогда и оплата будет.

– Договорились. Сейчас Фокс подготовит в соседней комнате фотоаппарат, нужно фото на партбилет, на остальные документы они не нужны, и сделаем снимок.

– Хорошо.

Переодеваясь, чтобы на снимке получиться получше, я размышлял. Жаль, что молодчик ушёл, придётся его на рынке отлавливать, свидетель, которого нужно убрать. Дальше, переодевшись в рубаху, запасную, она посвежее выглядела, сел на стул, сзади был белый фон из простыни, после чего Фокс сделал снимок и начал его проявлять, а я вернулся в то же помещение, квартира была трёхкомнатной, и стал ждать. Работал Сфинкс в соседнем помещении, но работал виртуозно. Первым сделал паспорт и удостоверение водителя, причём по виду те были заметно ношенными, уголки поистрепались. Потом почти час занимался военным билетом, поинтересовавшись предварительно, кем бы я хотел по нему быть, ну и уточнил, не знаю ли я номер нужной части. Я назвал номер той танковой части майора Корнева, документами которого в первые дни войны пользовался. А номер части я тогда запомнил по удостоверению. Звание себе выбрал старшего сержанта, специальность – командир танка, наводчик. Демобилизовался летом сорокового года, отслужив четыре года. Да, мне сейчас двадцать пять лет по новым докумен-

там. Закончив с военным билетом, Сфинкс приступил к церковной выписке о моём рождении, всё же тогда, получается, был пятнадцатый год. Днём рождения назначил первое декабря, тогда мне исполнится двадцать шесть. Потом возился с партбилетом, снимок уже был готов и высох. Остальные снимки, их ещё три было, а также плёнку с моим изображением отдали мне, по моей просьбе.

Под конец работы в квартиру зашло ещё трое мужиков, и я понял, что положить их смогу только используя револьвер, а шуметь мне не хотелось. Так что, получив на руки все документы, убрал часть в вещмешок, а часть во внутренний карман куртки, честно расплатился и направился к выходу. Меня сопровождал Фокс, чтобы закрыть за мной дверь. Хотя какого чёрта?! Справлюсь. Вещмешок я нёс в левой руке, держа за лямки, поэтому, когда мы подошли к двери, я бросил его на пол, что отвлекло внимание Фокса, и с разворота вбил ему в грудь нож, что вытряхнул из рукава правой руки. А я его незаметно из вещмешка вытащил, когда документы туда убирал. Тот вытаращил на меня глаза, но ничего крикнуть не успел, я зажал ему рот и нажал на нож, поворачивая его. После этого, когда он прекратил дёргаться и закатил глаза, мягко положил тело на пол коридора и, не трогая клинок, достал револьвер из мешка, потом и второй, не проверяя, они уже проверены были, взвёл курки и провёл подготовку. А чтобы там ничего не заподозрили, для вида хлопнул дверью, как будто ушёл. Да уж, всю четвёрку я застал

врасплох. Надо было видеть их лица, когда они обернулись на скрип двери.

Подскочив к в двум ближайшим, что начали вставать из-за стала, я приставил по стволу нагана каждому к боку и дважды выстрелил. Их тела мной были использованы как глушители. Хлопки, конечно, громкие вышли, но не такие, как бывает при выстрелах. Двое других, вот они к двери лицом сидели, вскочили, с грохотом откидывая стулья, один за нож схватился, а Сфинкс тянул из кармана ТТ, но я уже был рядом с ними и выстрелил. И если со Сфинксом удалось использовать его тело как глушитель, то четвёртый стоял далеко, еще один выстрел, и точно в голову. Все наповал. Принеся из прихожей вещмешок, я убрал внутрь свои деньги, что лежали на столе, их не тронули. У троих снял наручные часы и прошёлся по карманам, собирая ножи и оружие. Кроме ТТ был ещё и наган, но зато патронов запасных к ним хватало. Деньги имелись. Вытащив вещи из своей куртки, снял её и бросил на пол. Я сходил в прихожую и снял там с вешалки настоящую кожанку, почти новую и мне по размеру. Убрал документы в неё и, вернувшись, стал обыскивать помещения, причём делал это всё торопливо, так что, можно сказать, по верхам прошёлся. Нашёл три бумажных пачки патронов к ТТ, денег не так и много было, прихватил чистые бланки разных документов и убрал всё это в вещмешок, я из него предварительно другую куртку достал, ту, что в Киеве купил, а ту, что на пол бросил, с воров снял там же. А кожан-

ку, чтобы не светить её, убрал туда же в вещмешок. Потом всё облил керосином из керосиновой лампы, поджёл, после чего вылетел из квартиры. Улики уничтожил, дальше нужно молодчика отловить. А позади уже раздавались крики о пожаре, надеюсь, соседи не сгорят, а я уходил быстрым шагом, натянув кепку пониже. Да, рукоятку ножа, что оставил в теле Фокса, протереть я не забыл, а то вдруг огонь дотуда не дойдёт?

Время, потраченное на документы, прошло не зря. Всё же я хоть и планировал всё сделать в первый день и сразу, но на то, что получится, особо не питал надежды, всё могло пойти прахом от любой случайности. Нужных людей тот молодчик мог не знать. Или через длинную череду посредников проведёт, если вообще перед ментами не запалит, так что тут было чистое везение, я понимал прекрасно. Конечно, я рад проведённому делу, документы в кармане, всё вернул, но была одна проблема. Свидетель. Я воров вообще за людей не считал, чирей на теле человечества, поэтому легко перевёл их в стан врагов и убивал без особых сомнений. А в данный момент я направлялся на рынок, покрутившись по улицам и поглядывая, нет ли хвоста, но надежд, что парень ещё там, я не питал. Изготовление документов, особенно такого качества, занимало время, начали в девять утра, закончили в пять дня, сейчас конец шестого, вечер наступал, рынок уже не работает, как я понимаю.

Моё предположение подтвердилось, и хотя рынок ещё ра-

ботал, но видно, что торговцы уже собирались, треть так уже покинула ряды. Заглянув в пельменную, я подошёл к киоску, где приобрёл стопку свежих газет, меня интересовали только те, где давались частные объявления, мне выдали четыре газеты, что ещё были в наличии, у которых имелись колонки этих объявлений. Отойдя в сторону, в парк, нашёл свободную скамейку и, устроившись на ней, стал быстро просматривать колонки. Меня интересовала возможность приобрести дом. Всего таких предложений было три, частные дома с участками, и только у одного продавца был указан номер телефона, у двух других нужно ехать по адресу, они были указаны в объявлениях. Убрав две другие газеты в вещмешок, я направился на улицу, там на углу был таксофон. Правда, очередь пришлось отстоять, но не страшно. Через полчаса я уже набирал нужный номер. Ответили мне быстро:

– Слушаю.

– Я по объявлению, – так же коротко сообщил я.

– Простите, дом уже продан.

– Жаль. Может, что подскажете?

– Вроде соседи мои по огороду продавали дом. Улица Карла Маркса, дом... кажется, седьмой. Там спросите, фамилия у них Сенчины.

– Спасибо.

Повесив трубку, я отошёл от таксофона, там другой желающий позвонить место занял, и быстрым шагом направился к стоянке трамвая. Да не успел дойти. Козырнув, ко мне об-

ратился милиционер, заступив дорогу, сержант, судя по треуголкам в петлицах.

– Гражданин, предъявите документы.

Вот и первая проверка. Пройдёт она или нет. Достав паспорт, я протянул его милиционеру. Тот оказался дотошный, чуть ли не обнюхал его, но всё же вернул, как мне показалось, с некоторым сомнением. С ним же в голосе и спросил:

– Почему вы не в Киеве? У вас есть разрешение на нахождение в Москве?

– В Москву я приехал только сегодня утром. По поводу Киева, вы же видели в паспорте закладку, что я выписался с адреса, где проживал. Сделал я это до войны, хотел в Харьков переехать, даже дом, доставшийся в наследство от бабушки, продал, да не успел, война началась. Работал почти три месяца по направлению, на рытье противотанковых рвов. Я на тракторе работал. Неделью назад попали под бомбёжки, трактор сгорел, начальство погибло, нас распустили. Я в Москву подался, вот только сейчас добрался.

– А в армию почему не пошли? Инвалид?

– Почему инвалид, полностью здоров. Танкист я, командир танка. Обустроюсь тут, всё же прописку сделаю, и сам в военкомат пойду, я коммунист, это мой долг.

– Понятно. Как регистрируетесь, не забудьте встать на учёт.

– Это обязательно, – подтвердил я.

Козырнув, дотошный сержант направился дальше и тор-

мознул двух мужиков. Похоже, критерий его отбора был в том, что все, у кого он проверял документы, были приезжими, по одежде и вещмешкам было понятно. У тех двоих они тоже были. Я же, убрав паспорт на место, тут карман, что удобно, на пуговицу закрывался, хотя и внутренний, и успел запрыгнуть на подножку трамвая, проехав так, не оплачивая, шесть остановок, как-то некому было, трамвай плотно набит был. Там на нужной остановке я пересел на другой трамвай, тут посвободнее было, оплатил и, встав у окна, смотрел на проплывающие мимо дома. Этот район мне плохо знаком, сам я в другом мире-копии в центре жил, но ничто не мешало мне спросить у других пассажиров, и те не только номера трамваев сообщили и на какой остановке сходить, но и куда потом идти. Описали маршрут верный, и я уже через полчаса подходил к нужному дому, оказалось он от трамвайной остановки в десяти минутах хода. Можно сказать, что рядом.

Подходя всё ближе и ближе к нужному дому, а я уточнил у стайки детей, этот ли дом Сенчиных, и изучал его. На самом деле я рассчитывал купить недорогой дом. Не развалюху, но на пару комнат, с парой оконцев, выходящих на улицу, то есть небольшой, с приусадебным участком. Сомневаюсь, что я сюда вернусь, мне нужна реальная прописка, и покупка своего имущества – это тот выход, что мне необходим, и я его искал. Только дом Сенчиных – это неплохой такой дом, деревянный, но на высоком кирпичном фундаменте, обшитый тонкой рейкой, три окна выходят на улицу. Постройки

виднелись на участке, справные ворота с калиткой во двор, над воротами двускатная крышка, что защищала их от дождя. Так что я пребывал в сомнении, дом относился к довольно приличным. Ладно, по ходу дела разберёмся, может, в цене не сойду́мся, если что, у меня ещё два адреса есть. Правда, далековато оба, но ничего, и завтра день есть.

Подойдя к воротам, я посмотрел на верёвку, накинутую на ручку калитки, это значит, что дома никого нет, сообщение для таких вот гостей, как я. Ещё, бывает, палкой подпирают. Пришлось ту же стайку детей напрягать. Они и сообщили, что хозяева дома в другом месте теперь живут, и двое сорвались, пообещав их привести. А пока хозяев нет, я уточнил у детишек ситуацию по дому, эти всё расскажут, как на духу. Тут вот такая ситуация оказалась. Сенчины – справные хозяева, но у хозяина, сам он инвалид, хромой, погиб на фронте младший брат, жена у того ещё до войны от горячки умерла, а детей у них не было. Дом у брата побольше был, родительский, туда Сенчины после получения похоронки и переехали, а этот дом на продажу выставили. Такая вот жизненная история. Кстати, в доме водопровод был, мне те же детишки об этом сообщили. А вскоре и хозяин подкатил на велосипеде. Он действительно заметно хромал, когда слез с него. Поздоровался со мной за руку и стал показывать дом и строения. А я без шуток внимательно всё осматривал, проверял на гниль. Что ж, дети не обманули, Сенчин – хозяин справный. Сам дом типичной постройки и планировки ком-

нат. Со двора вход в холодные сени, из них на кухню, тут и раковина с краном была. Из кухни дверь в залу. В передней, где и находилась зала, было две перегородки, разделяющих ее на две спальни. В центре печка стояла, такая же печка на кухне. Большинство домов так выглядело. Мебели был минимум, видно, что вывезли половину, пыли не было, помыли всё. Предпродажную подготовку, так сказать, провели. А так всё прилично, и мне всё нравилось. Банька новенькая, с отличным предбанником и парной. Года бане нет. Постройки остальные тоже свежие, то есть ничего менять или руку прикладывать не нужно. Покупай, оформляйся и живи. Огород пустой, урожай снят, но ледник и погреб тоже пусты, хозяева всё вывезли. Рачительные, дров тоже не было, ни одного полена.

После осмотра мы прошли в дом и сели на две табуретки на кухне, это единственное из мебели, что в доме было и на что можно сесть. Посмотрев на хозяина, я сказал:

– Ну, что ж, дом и участок осмотрели, будем говорить о цене. Так сколько?

– Десять тыщ.

– Это несерьёзно, – покачал я головой. – Вон сосед дом не хуже, чем у вас, за восемь продал. За восемь давай торговаться. Если что, у меня ещё два варианта есть, объявления в газетах нашёл. Это соседу повезло, что покупатель быстро нашёлся, да и тот на примете давно его дом имел. Давай сбрасывай цену.

Торговались мы долго, почти час это заняло, но всё же ударили по рукам. Дом я брал за девять двести. Тяжёл оказался хозяин дома в торговле, но и мне удалось заметно сбить цену. А ведь поначалу ни в какую не хотел уступать, но я нашёл те рычаги, что его поколебали. А ведь дважды хотел уйти, по-серьёзному, но хозяин меня удерживал, и торговля вспыхивала с новой силой. Дальше я ему выдал двести рублей. Задаток, а тот на моём блокноте и моим же карандашом написал расписку о получении денег. После этого мы направились к нему, где он с женой жил. Так как оставлять меня в доме он не хотел, то и предложил койко-место у них. Одну ночь у них переночую, а завтра после оформления уже в свой дом въеду. Кстати, он пообещал всё завтра решить с оформлением, у него кума работала в исполкоме, сделают быстро и без очереди, прописав меня и переоформив дом.

А дом действительно справный и куда лучше того, что я брал с выходом на реку. Кроме меня, в доме на постое стояла женщина, военный врач, что в госпитале работала, но её пока не было, поздно ночью приходила, отсыпалась, и рано утром обратно уходила. Также они приютили семью беженцев, но по настоянию участкового, я это по оговорке хозяина понял. Те до заморозков пока на сеновале спали. Хорошо ещё, в моём доме таких постояльцев не было, хотя в Москве и были проблемы с жильём. Уж не знаю, как это Сенчины решили. Потом мы поужинали, и я лёг спать на свободном месте.

Вот утром я испытал настоящий стресс, распознав, как проснулся, хорошо знакомый звонкий голосок Ольги Смирновой, звучавший с кухни. Так вот что это за врач тут квартирует! Пришлось сделать вид, что ещё не выспался, так что та, чирикающая, быстро позавтракала и усакала. Я тут же встал и, одеваясь, выглянул в окно, любуясь фигуркой девушки в ладной военной форме. Ну точно она. Умывшись и завтракая, я слушал хозяина, куда там поперва нужно идти, чтобы оформить всё за день. Это сложно, всё так быстро сделать, но благодаря родственным связям всё же возможно. Так вот, слушая его краем уха, я размышлял. Эта встреча меня поразила. Я был уверен, что Ольга где-то заперта, всё же секретноноситель такого уровня, в шарашке закрытой под охраной спрятали, и всё, а может, вообще расстреляли, я теперь к НКВД крайне негативно относился, а оказалось, она свободно по городу ходит. Да ещё работает в госпитале. Приятно, конечно, знать, что жива, но стоит подумать, как тут выкрутиться. Хотя чего крутиться? В этот дом я больше не вернусь, Ольга сюда только ночевать ходит, а я в городе задерживаться не планирую. Повестка и армия. Так что, думаю, мы не встретимся. Хотя надо будет в первое время ходить и оглядываться, чтобы случайно нос к носу не столкнуться. А её хозяева, что они могут сказать? Ну, продали дом, если вообще коснутся этой деликатной темы, Суворову Александру Александровичу, то есть Сан Санычу. Я только имя изменил и по документам теперь так значусь.

Позавтракав, я подхватил мешок, и мы с четой Сенчиных направились к продаваемому дому. Там я передал оставшуюся сумму, получив расписку, что получены деньги, и мне торжественно вручили ключи от дома ихозпостроек. Всего три замка было, на доме и на двух строениях. К каждому замку в комплекте по три ключа. Мешок свой я оставил в доме, убрал на печку на кухне, а запирая дом, метку оставил на двери. Кто откроет и побывает в доме, я об этом узнаю. Ну и, выйдя на улицу вместе с Сенчиным, направился в исполком. Его жены уже не было, убежала к себе, видимо деньги прятать. Беготни нам много предстоит, но я морально уже настроился.

Надо сказать, что закончил всё в четыре часа дня, и, прямо сообщу, если бы не Сенчин и помощь его кумы, дня два бы возились со всем оформлением, а то и три. А так она созвонилась со всеми, с кем нужно, и меня принимали сразу и без проволочек, так что в моём паспорте красовалась новая прописка. Кстати, год назад прописок не было, это недавнее нововведение. Самого Сенчина не было, передал с рук на руки куме, и дальше я с ней ходил, где нужно. У неё уже уточнил, что два месяца не платил взносы, где можно исправить это. Мол, в поле работал на рытье противотанковых рвов, не было возможности провести оплату. Та отправила меня в нужный кабинет, в этом же здании, и мужчина, по имени Андрей, взяв с меня взносы, внёс об этом информацию в мой

партбилет, поставив небольшую печать и расписавшись. Он же меня внёс в списки коммунистов нашего района. А пока это делал, расспрашивал:

– Работаешь уже где?

– Нет, я на днях в Москву приехал. Вот, прикупил дом, денег с продажи дома, оставшегося от бабушки, едва хватило, ещё и свои накопления на это дело потратил, теперь, думаю, получу повестку, и в армию. Я до этого работал на рытье противотанковых рвов.

Тот оживился и, отложив перьевую ручку, с интересом посмотрел на меня, предложив:

– Слушай, а давай в наш коммунистический батальон вступай? А то у нас там коммунистов едва десять процентов наберётся, одно название, остальные комсомолы. По набору.

– Так я же танкист, командир танка?! Что я там в пехоте делать буду? Максимум наводчиком могу быть у противотанковой пушки. Всё же первые места на соревнованиях по дивизии занимал.

– Так батальон у нас моторизованный, танковая рота формируется и нужные специалисты необходимы, – ещё больше обрадовался тот.

– Ну, если так, то я только за.

– Отлично, – довольно сказал тот и, снимая трубку с телефона, уточнил у меня: – Ты в военкомате уже был, на учёт вставал?

– На завтра запланировал.

– Сегодня сходишь, примут, я договорюсь.

– У меня только одна просьба. Дня три дать на обустройство в доме, а то я же только-только его купил, он пустой. Да бросать его не хочу, надеюсь кого подселить, чтобы жили, пока воюю. Оплаты не нужно, главное, чтобы за домом смотрели. Поможешь?

– Если две семьи, жёны и дети командиров, пришлю, нормально? А то у нас жилой фонд по швам трещит, в общежитии живут.

– Конечно нормально. Только через пару дней, а то в доме даже спать не на чем. НЗ потрачу, но обстановку закуплю, да и припасы, чтобы пережили зиму.

– Это ты молодец, наш человек. Договорились.

Дальше тот связался с казармами, где шло формирование этого коммунистического батальона, пятого, между прочим. Командира батальона не было, отсутствовал, но был начальник штаба, вот с ним Андрей и поговорил. Тот сразу дал добро, тем более из Сибири эшелон с танками шёл, застрял где-то в пути, там были и машины для батальона, комбат как раз уехал узнавать причину задержки, так что велел прибыть мне в часть завтра как штык. Оформится. Андрей всё же смог договориться о трёх днях, что мне выдавали в качестве увольнительной, тем более батальон всё ещё в стадии формирования находился, многие из бойцов дома жили, и мне пошли навстречу. Потом тот вызвонил военкомат и сообщил

обо мне, чтобы меня не перенаправили в другую часть. То есть если проще, застолбил. Вот и получилось, что после четырёх, когда все бумаги были оформлены, я направился не к дому, а в райвоенкомат, там мою красноармейскую книжку особо не смотрели, раз из исполкома звонили, значит, всё в порядке, свой. Личного дела не было, завели новое с моих слов, фото для него я выдал из запасов, ну и стали оформлять меня в коммунистический батальон. Час там пробыл, получив предписание завтра явиться в штаб батальона.

Покинув здание военкомата, я с облегчением вздохнул и, поймав пролётку, велел везти на рынок, не тот, где я того молодчика встретил, на другой. Нужно вещи да что-то на первое время приобрести, деньги в размере трёхсот рублей у меня были с собой, остальное дома оставил. А пока катил, только головой качал от тех быстрых событий, которые вроде как сам спланировал, но не ожидал, что произойдут так внезапно. А так если бы с Андреем языками не зацепились, кто его знает, куда бы я попал. Все эти изменения меня только радовали, так как вполне соответствовали моим планам. я и размышлял, пока мы не добрались до места. Расплатившись, я уверенным шагом направился в глубь рынка. Он ещё не закрылся, хотя народ и торговцы расходились. Там я быстро нашёл того, кто мебелью занимался. Заказал у него две панцирные полуторные кровати, диван в залу, стол, он раздвигался, шесть стульев. Шкаф брать не стал, в единственном экземпляре он в доме остался, как раз в той комнате, что я

под свою спальню выбрал. Также решил взять комод, нужная вещь, ну и два подвесных ящика на кухню, чтобы было, где столовые приборы хранить. Подумав, и кухонный буфет заказал. На кухне кроме разделочного стола и двух табуретов ничего и не было. Адрес доставки и небольшой аванс я выдал.

Потом купил четыре комплекта постельного белья, подушки, одеяла, покрывала. Скатерть на стол. Вот это уже я сам отвезти собирался, наняв возницу с телегой. Продовольственные ряды уже пустые были, купить ничего не успел, как и посуду с утварью, это завтра. Прибыть мне нужно в штаб полка до обеда, а утром я смотаюсь на рынок и всё, что нужно, докуплю. Да, приобрёл тут три новых навесных замка, решив поменять те, что были, и пальто приобрёл по размеру, холодало по ночам. На этом всё, устроившись на телеге, я стал показывать, куда везти. После того как телега повернула на перекрёстке на мою теперь улицу, я обнаружил у ворот своего дома ЗИС с открытым кузовом, заставленным мебелью. Ага, приехали уже. Кстати, пока мы катили, я пообщался с возницей и договорился, что тот привезёт мне две телеги березовых дров, уже колотых. Оплата по доставке. А в данный момент, подкатив к воротам, я их открыл, чтобы грузовик задом заехал во двор поближе к крыльцу, и пока двое амбалов-грузчиков курили, наблюдая старания водителя загнать машину задом во двор, я открыл дом, метка на месте была, занёс все те покупки с телеги в сени и отпустил

возницу. Тот, получив оплату за доставку, сразу отбыл. Он сегодня надеялся успеть привезти первую телегу дров.

Я же пообщался с грузчиками по поводу разгрузки машины, а то говорили, что во дворе разгрузят, дальше сам, а так чуть доплатить, и сами всё расставят по местам, мне лишь нужно указать место. Так я и сделал. Кровати, стол и диван угнездились на своих местах. Буфет и комод тоже. В общем, всё было занесено в дом и расставлено. За мебель я уже расплатился, теперь за разгрузку, водителю тоже, он помогал, мы вчетвером справились со всей работой быстро. Машина укатила, я запер ворота и направился по улице к остановке. Там, проехав две, зашёл в здание общепита, восьмой час вечера, но столовая ещё работала. А что, есть хочется, а в доме шаром покати, даже печь затопить нечем, хотя ночью холодало. Поев, купил с собой два десятка пермячей и чебуреков да две бутылки с лимонадом, тем же маршрутом вернулся, обнаружив знакомого возницу, что прогуливался у телеги, полной дров, аж с горбинкой. Тот изрядно обрадовался моему появлению, я даже парой пирожков его угостил, ну и, скинув верёвку с калитки, открыл ворота и убрал пока пирожки на кухню. Дальше мы в четыре руки разгрузили телегу у дровяного сарайчика, и возница, получив оплату, укатил. А я, подсчитав свои финансы, прослезился. Хватит на две телеги дров, завтра рано утром с рассветом привезут ещё одну партию, и всё. Осталось едва сто рублей, сто двадцать пять, если быть точным. Надеюсь, этого хватит на остальные

покупки. Чтобы семьи комсостава в нормальный дом заселились, а не в не пойми что. Чтобы мне не было стыдно им в глаза смотреть.

Закрыв ворота и калитку за возницей, я в несколько приёмов отнёс дрова в дом и разжёг огонь в обеих печах, протапливая, а то холодно было и уже сыростью отдавало. Разжечь просто было, настрогол лучин с одного полена, разжёг их, и от тех дальше огонь пошёл, и пока поленья весело трещали в печах, нашёл в одном из сараев подходящую тряпку, помыл полы, захватив также сени. А то натоптали. Делал я это босиком, так как сапоги оставил у входа – не будешь же в уличной обуви по дому ходить. При этом отметил, что нужно тапочки для дома купить, себе да пару гостевых. Ну и, пожалуй, обрезанных валенок для зимы, чтобы во двор выходить до туалета. Я уже закончил, тряпку повесил сушиться снаружи на забор, так как прошлые хозяйева даже бельевые верёвки забрали. Так вот, я постельное бельё расстелил, матрасы на обе кровати, покрывала и подушки сверху. С кроватями всё. Остальное постельное бельё убрал в комод, а подушки в шкаф. Повесил там же кожанку, пальто и большую часть вещей из своего вещмешка, включая женскую одежду. Завтра она мне потребуется. Одеяло походное сложил и убрал на шкаф, а плащ повесил на вешалку на кухне у входа. Ска-терть на стол в зале. Хоть гармонично смотрится всё. Ещё бы занавески на окна, а то одни ставни, так совсем бы было хорошо. Так вот я заканчивал вещи раскладывать, как раз

два ножа, свинорез и финку на кухню отнёс, где, хорошенько помыв, оставил на столе, будут кухонными ножами теперь, за неимением другого, как услышал стук в калитку. Похоже, у меня гости. Время уже девятый час было, темнело, нужно ставни закрывать, чтобы светомаскировку не нарушать. Значит, припозднившийся гость.

Вышел из дома – галоши ещё нужны, сапоги на босу ногу надел – и, подойдя к воротам, спросил:

– Кто?

– Участковый инспектор, сержант Авдеев, – прозвучало в ответ.

Хмыкнув, я отодвинул засов и, открыв калитку, сказал:

– Проходите, гостям у меня всегда рады.

Закрыв калитку, я провёл его в дом – хм, опять полы мыть придётся – и, усадив на кухне за стол, устроился напротив. Тот хотел познакомиться с новым владельцем, от Сенчина узнал, что хозяин сменился, ну и, расспрашивая меня, попросил паспорт.

– А нету, – развёл я руками. – Сегодня сдал в райвоенкомат.

– Вас призвали? – удивился тот.

– Сам не ожидал. Зацепился в исполкоме с товарищем Андреем, взносы по партбилету оплачивал, долги были, и тот пригласил меня в коммунистический батальон, что тут в Москве формируется. А я танкист, но, к счастью, машину мне пообещали. Завтра оформляться пойду. Да, мне обеща-

ли три дня увольнительных для обустройства, так что если тут меня увидите да ещё в форме, не удивляйтесь.

– Лихо, – покачал тот головой и, когда я принёс свою красноармейскую книжицу и направление, только покивал – всё в порядке.

– Да, я не хочу, чтобы дом пустовал, пока я воюю, поэтому через товарища Андрея договорился, что у меня тут поселят две семьи командиров. Вы бы приглядели за ними, хорошо?

– Чтобы что не натворили? – приподнял тот одну бровь.

– Чтобы их не обижали, – поправил я.

– Это можно.

Дальше тот закончил делать записи в своём блокноте, и мы, пожав друг другу руки, распрощались. Да, я его пирожками угостил, видать поужинать не успел, а ароматы на кухне почувствовал. Только с сожалением сказал, что чайника нет, да и чая, даже налить не во что, но тот это воспринял нормально – только въехал. Закрыв за ним калитку, я закрыл все ставни и, подхватив половую тряпку, снова помыл полы и продолжил обустраиваться. Кстати, в шкафу был ящик, запираемый на ключ, и ключ присутствовал, туда я и убрал документы, что пока не нужны. Документ на дом, расписки от прошлых хозяев, выписку о рождении из церковной книги, ну и всё. Красноармейскую книжку с направлением и удостоверением водителя забрал с собой. Удостоверение в личное дело в райвоенкомате было вписано.

Выспался я хорошо, дом тёплый, утром подтапливать не стал, не видел причин. Проснулся от стука в калитку, так что, быстро одевшись, даже не умываясь, вышел во двор и, открыв ворота, впустил телегу с дровами. Мы также перекидали дрова у сарайчика, я расплатился и выпустил возницу, заперев ворота. Потом позавтракал, для того пирожки и купил, и, переодевшись в женскую одежду, забрал все деньги, пустой вещмешок и, заперев дом, вскользнув на улицу, тут уже просыпались соседи, засеменял в сторону остановки и там, сменив два трамвая, добрался до Колхозного рынка. К сожалению, проведённые тут два часа мне не помогли, молодчика так и не было. Но за это время я купил шесть фаянсовых тарелок, супницу, видимо, всё из одного неполного набора, десять ложек, десять вилок, пять глубоких тарелок, покрытых эмалью, поднос, шесть кружек эмалированных, восемь стеклянных стаканов. Из посуды это пока всё. Ну разве что набор взял из солонки и перечницы. Из утвари – трёхлитровый чугунок с ухватом, большую сковороду с крышкой да трёхлитровый чайник. Взял бы больше, но это всё, на что мне денег хватило. Даже половника не брал, не на что. Денег одна мелочёвка на дорогу осталась. У меня потому и были надежды встретиться с молодцом, не только оборвать этот след, но и деньги трофеями взять. Специально бы дождался, пока тот карманы набьёт чужими кошельками. Однако пока не повезло.

На рынке я всё так же изображал немую беженку и, заку-

пив всё, что хотел, запрыгнул на трамвай, — снова на подножке висеть пришлось. Сменив на другой номер, добрался до своей остановки, а там и дом. На меня те соседи, что встретились, с удивлением поглядывали, как я с полным мешком иду и ухватом в руке, но не более. К сожалению, заметили, куда я зашёл. Дома, переодевшись, женскую одежду в шкаф убрал, разложил утварь и посуду по местам в буфете. Кстати, вчера я навесные шкафы приготовил, но инструментов нет, чтобы на стену повесить, часть тарелок можно было бы туда поставить. Надо ещё заварочный чайник купить, но и на него денег не хватило. Это пока. А там, после того как переоделся, проверил документы и покинул дом, заперев его. Снова направился к остановке, в этот раз путь мой лежал к казармам, где формировалась нужная часть. А на обратном пути я планировал поработать на рынке и, перехватив гонца, заработать те деньги, что шайка наворует.

Добрался до места благополучно, тем более эти казармы я знал и, когда жил в мире-двойнике, не раз там бывал по долгу службы. На входе у ворот часовому я показал предписание, и тот объяснил, где находится штаб, туда я и направился по внутреннему двору. Тут у казармы было припарковано ровными рядами шесть полуторок, новенькие, видимо только с завода, и два ЗИСа. У обоих стояли зенитные крупнокалиберные пулемёты в кузовах, сейчас закрытые чехлами. Там часовой прохаживался. Во дворе под командами молоденького лейтенанта, торс которого перетягивала порту-

пея, взвод из сорока мужиков и молодых парней отработывал хождение строем. Что меня удивило, пусть у всех были винтовки, даже раструбы пары пулемётов виднелись, подсумки, но одеты они были в гражданскую, явно свою одежду. Костюмы, куртки, кепки или шляпы. Смотрелось это всё дико. Я только головой покачал в огорчении. Одно слово, ополчение. Надеюсь, хоть танк не картонный. Интересно, что за машины пришли из Сибири? Если учесть, что заводы там только-только разворачивалась и ни о каком выпуске продукции и речи не шло, то, скорее всего, ограбили сибирские дивизии, отщипнув то тут, то там техники. Значит, видимо, лёгкие танки, из средних я только Т-28 припоминал. Увидим.

Пройдя в штаб, я передал предписание дежурному по штабу, и тот направил оформляться в канцелярию, это много времени не заняло, и я был включён в бронетанковую роту командиром танка второго взвода. Потом меня перехватил помощник дежурного, который сообщил, что меня начштаба ждёт, и я направился к нему. Постучавшись, прошёл в нужный кабинет и, отбив три положенных шага, вытянулся, приложив кисть руки к виску, и доложил:

– Товарищ капитан, старший сержант Суворов по вашему приказу явился.

– Присаживайтесь, – указал тот на стул и, когда я устроился на этом колченогом недоразумении, сказал: – Думаю, вы заметили во дворе, что с формой у нас проблемы. Поэтому выдача её задерживается, вся пошитая форма идёт двум

стрелковым дивизиям, что формируются в Москве и окрестностях, там ещё танковый полк, артиллеристы, сапёры, хватает частей, и мы последние в очереди. Так же и с оружием. То, что в руках держат бойцы на плацу, это всё наше оружие в арсенале, как раз и выдаваемое для выполнения некоторых фигур строевой. Но вызвал я тебя, сержант, не для этого, танки прибыли, а танкистов у нас мизер, по пальцам пересчитать можно. Нужно получить и перегнать сюда. Всё ясно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.